

Ирэн Рудкевич

ШПИЛЬКА

S-T-I-K-S

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

Ирэн Рудкевич
S-T-I-K-S. Шпилька

«Автор»

2024

Рудкевич И.

S-T-I-K-S. Шпилька / И. Рудкевич — «Автор», 2024

Улей – не для слабых. Свежих иммунных опасность поджидает за каждым углом, да и тем, кто сумел пережить первые дни, расслабляться тоже некогда. Улей меняет всех. Обнажает подлинное нутро. В прошлой жизни Анна была совершенно обычной. Одной из многих, составляющих безликую толпу винтиков большого механизма. А в этой она – одна из немногих, кому повезло не стать заражённой. У неё нет ни навыков выживания, ни боевого опыта. Зато есть горячее желание выжить и найти своё место под солнцем – любой ценой. Только получится ли? Ведь выжившие в Улье – просто статистическая погрешность. А выжившие женщины – и вовсе погрешность от погрешности.

© Рудкевич И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Не пей – козлёночком станешь!	5
Глава 2. Всё смешалось: люди, зомби...	11
Глава 3. К слову о туфлях и собачьей верности	17
Глава 4. Времена не выбирают. А вот имена...	23
Глава 5. Остерегайся всех... кроме собаки	29
Глава 6. Покой нам только снится	34
Глава 7. О пользе водных процедур	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирэн Рудкевич S-T-I-K-S. Шпилька

Глава 1. Не пей – козлёночком станешь!

– Ну и туман, – с восхищением и досадой протянул таксист. – Ни черта не видно. Ты уж извини, но нам, кажется, придётся тут стоять, пока он хоть немного не разойдётся.

Анна покосилась в окно. Сплошная молочная пелена окружала машину, стоящую на аварийках в левом ряду многополосной дороги. Головная оптика, включая противотуманки, ничего не могла сделать против непогоды, фары втыкались в туман, словно он был чем-то твёрдым. Сквозь лучи света изредка пробивалось жёлтое моргание авариек предыдущей машины.

Да уж, туман и впрямь такой, что о дальнейшей езде не может быть и речи. Даже на обочину не съехать, вон, весь поток так в рядах и застыл. Некоторые водители вышли прямо на дорогу – их тени временами пересекали лучи света.

Анна закрыла глаза, борясь с тошнотой. Ну зачем она столько пила на этом дурацком корпоративе? Кто вообще надоумил её туда пойти? Надо было, как и раньше, просто махнуть домой, закутаться в плед, сделать чашечку чая и провести вечер по-обычному скучно, сидя в соцсетях. Но нет, накрутилась, вырядилась в мини и жутко неудобные туфли на высоченных каблуках, пошла искать приключений на свою подкачанную в фитнесе задницу!

А теперь застряла в этой проклятушей пробке. И застряла, похоже, надолго.

Низкий короткий рык заставил её вздрогнуть.

– Ну тише, девочка, тише, – примиряюще произнёс таксист. – Не пугай пассажирку.

Хороший он парень, заботливый. Да и симпатичный, чего греха таить. Была бы она потрезвее, может, и попробовала бы свести знакомство на одну ночь, зализать, так сказать, не заживающие раны от обиды на бывшего, но мутит так, что о сексе даже думать противно. Обидно прямо!

А ещё у него обалденная собака. Анна сначала обалдела, когда на переднем сиденье приехавшей на заказ машины увидела чёрно-рыжую морду с характерными стоячими ушами и вытянутым носом. Водитель тут же уверил её, что «собачка мирная, не кусается, и вообще воспитана так, что любой кинолог обзавидуется».

Мнение кинолога Анну не волновало, но собакой водителя она невольно залюбовалась. Породистая, лощёная немецкая овчарка, смирно восседавшая справа от водителя и даже головы не повернувшая в сторону неловко заползающей на заднее сидение пассажирки.

Анну предупреждать о мирности и воспитании было необязательно, собак, особенно больших, она любила искреннее, причём любых пород. Когда-то давно и у неё была любимица – белый лабрадор по имени Лайма. С её смертью Анна так и не смогла смириться до конца. Потому, наверное, и не завела новую собаку.

Так что немка водителя Анне понравилась с первого взгляда. Она бы с удовольствием протянула руку, чтоб потрепать собаку между ушей, но она выпила слишком много, и теперь любое движение вызывало мучительный приступ тошноты и головной боли. А собака, словно понимая состояние пассажирки, вела себя тише воды, ниже травы.

И вот, первый раз за всю поездку глухо рыкнула.

Анна открыла глаза, достала из сумочки крупную банкноту, протянула водителю.

– Вот, возьмите. Я, пожалуй, пройдусь.

– Да вы что? – заволновался тот, но деньги взял. – Подождите, я сейчас сдачу выдам и провожу вас. Куда вы одна, ночь же на дворе.

– Мне совсем рядом, – Анна постаралась придать голосу уверенности, улыбнулась. – Дойду. Не будете же вы из-за меня машину посреди дороги бросать?

– Да что с ней сделается? – махнул рукой водитель. – Всё равно никто никуда в такой туман не поедет.

Хороший. Заботливый. Симпатичный.

– Спасибо, но я всё же сама. Мне тут буквально полкилометра осталось, если напрямую. Анна потянулась к двери. Овчарка на переднем сиденье снова зарычала.

– Вот видите, даже она против, – воспользовался моментом водитель. – Давайте мы вместе вас проводим. Если боитесь чего, так я не это... не того... напрашиваться не буду. Просто беспокоюсь, честное слово.

– Ладно, – сдалась Анна.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался водитель и сразу же полез из машины. – Лайма, ко мне. Овчарка тут же бросилась вслед за хозяином.

Ну надо же, тоже Лайма...

– Прошу, – открыл для Анны дверь водитель и галантно протянул руку, помогая выбраться. – Показывайте, куда идти. Меня, кстати, Володей зовут.

– Я Анна. А идти нам вон туда, – Анна вытянула руку к примыкающему к шоссе району, сплошь состоящему из старых пятиэтажек. Знаменитая на всю страну московская реновация добралась сюда совсем недавно, и списки на расселение ещё никто не составлял. Но Анна и не хотела переезжать, ей нравилось жить в наследной двушке под самой крышей, пусть временами и протекающей, и древней, как сама история, газовой плитой, поменять которую не вышло – газовщики признали трубы в доме слишком опасными.

Купить новую квартиру, пусть маленькую и на такой же Богом забытой окраине, Анне было не по карману. Впрочем, она и не хотела никуда переезжать, старая квартирка была уютной настолько, насколько может быть уютным только родовое гнездо.

– Вот, держитесь за меня, а то вы уж больно хорошо что-то отметили, – без всякого осуждения сказал Володя.

– Да, спасибо. Секунду, – Анна, придерживаясь за дверцу, наклонилась, торопливо сняла туфли. – Зачем я вообще за эти испанские сапожки столько денег отвалила?

Об этих туфлях, насыщенно розовых, на высоченных тонких каблуках, Анна мечтала очень давно. Экономила деньги, отказывала себе во всём, и вот, наконец, купила. Но кто мог предположить, что туфли известного и, скажем честно, неадекватно дорогого бренда в первый же день носки устроят хозяйке такую подставу, как стёртые до волдырей пальцы. Вот вам и хваленый «Маноло Бланик»...

– Я готова, – едва сдерживая выдох облегчения, пробормотала Анна.

– Держитесь, – повторно предложил локоть Володя. – Не бойтесь, я не кусаюсь.

Анна благодарно кивнула – на большее сил не было.

Идти до светофора не хотелось. Да и зачем, если все машины стоят, а их водители расхаживают вокруг с озадаченными лицами? Так что дорогу решили перебежать прямо здесь, нырнули под разделяющую параллельные полосы эстакаду, проламинировали по устроенной под ней платной парковке, снова перебежали, оказавшись, наконец, на газоне рядом с пешеходным тротуаром.

– Эй, а у вас телефона нет, случаем? – окликнули их из тумана.

– В машине оставил, – похлопав себя по карманам, сокрушённо пробормотал Володя.

Анна потянулась к сумочке, вытащила смартфон, приложила палец к считывателю отпечатков. Ничего не произошло, экран так и остался тёмным и безжизненным.

– Разрядился, – расстроено сообщила она невидимому за туманом собеседнику.

– Жаль, – расстроился тут. – Хотел жене позвонить, предупредить, что задержусь, а сигнала нет, как назло. Абонент, блин, не абонент. Из-за тумана, наверное...

– Да, вполне может быть, – согласился с ним Володя. – Такой плотный, что и немудрено. Ладно, пойдём мы.

– Ну бывайте, – откликнулся собеседник.

Отойдя чуть дальше, Володя шмыгнул носом. Потом ещё раз, и ещё.

– Нет у вас тут никаких хиппредприятий поблизости? – подозрительно поинтересовался он.

– Вроде бы нет, – пожала плечами Анна. – А с чего вы спрашиваете?

– Да кислятиной какой-то воняет, – проворчал Володя и добавил. – Аллергик я.

– Может, вам лучше вернуться? – забеспокоилась Анна.

– Нет уж, провожу сначала, – странно рассмеялся Володя. – Я ж обещал. Да ничего, не помру. Найду по пути обратно аптеку, куплю капли для носа. Впервой, что ли?

Анне запах тоже не нравился.

«Может, газ где прорвало?» – подумала она и тут же вспомнила, что тот должен пахнуть тухлятиной, а не кислятиной – вроде как там специальное какое-то вещество в него добавляют для этого.

– Уже близко, – сказала она. – Вон там дом с красным цоколем и жёлтыми балконами, а следом за ним моя пятиэтажка. Третий подъезд.

– А аптека ближайшая где?

– Это к эстакаде возвращаться надо. Там на дублёрах много всего было.

Напрашиваться зайти Володя и впрямь не стал. Дождался, пока Анна достанет ключи, приложит чёрный магнитик к круглому пятачку домофона, потянул дверь и сделал приглашающий жест рукой.

– Прошу, – почему-то хихикнув, предложил он. – Дом, милый дом.

– Спасибо, – искренне сказала Анна. – С вами точно всё хорошо будет?

– А что случится может? Хулиганы нападут? – уже в голос засмеялся Володя. – Меня вон, Лайма защитит. А дорогу я запомнил.

Смех, как и изменившееся поведение, Анне не понравился, и она поспешила распрощаться.

– Вы перед домом с красным цоколем направо поверните, там вроде бы тоже была круглосуточная аптека. И спасибо вам ещё раз.

Володя не ответил, махнул рукой и нетвёрдой походкой пошёл прочь.

«А ведь это я пила, а не он, – удивилась Анна. – Может, не надо его одного оставлять?»

Раздавшийся вдруг громкий скрежет оборвал благие мысли. Анна, забыв и думать о таксисте, испуганно заскочила в подъезд, пулей взлетела на свой пятый этаж, трясущимися руками провернула в замке ключ. И лишь заперев за собой дверь, бессильно сползла по стене, клятвою пообещав самой себе больше никогда не пить.

Голова болела безбожно, виски ломило так, словно их тисками зажало. Громадным усилием воли Анна доползла до кровати, забралась на неё и, не раздеваясь, уснула.

Сон, правда, вышел беспокойный. Ей всё время чудились душераздирающие крики, скрежет, какой бывает при столкновении машин, рычание и урчание. А ещё – противно хихикающий Володя с окровавленным лицом и почему-то только одним глазом – второй выпал из глазницы и висел на тонкой ниточке.

Разбудил её солнечный луч, коварно проскользнувший сквозь неплотно задёрнутую занавеску.

Анна неохотно приоткрыла один глаз, поводила им из стороны в сторону. Голова отозвалась на движение болью.

– Чёрт! – прошептала Анна. – Блин!

Она не была уверена, что у неё в загорелом месте осталось обезболивающее. Голова у Анны болела довольно часто, взрывалась на каждое изменение погоды. Так что и таблетки, способ-

ные вывести из состояния страдающего овоща в нормальное человеческое, Анне приходилось всегда держать под рукой.

А из-за дурацкого корпоратива забыла, что и ей в аптеку не помешало бы зайти. Разиня, что тут ещё сказать!

Анне повезло – таблетки были. Зажав в одной руке спасительный белый кругляш, а второй придерживаясь за стены, Анна проковыляла на кухню. Схватила стакан, подставила под смеситель, провернула кран...

Воды не было, смеситель отозвался неприятным бульканьем и затих.

– Да что ж такое? – пробормотала Анна и пошла к холодильнику.

Света тоже не было, внутренности монструозного серебристого шкафа тонули в полумраке, на полу под ножками уже виднелось мокрое пятно.

Анна на ощупь вытащила запотевшую полулитровую бутылку колы, отвернула крышку, забросила в рот таблетку, с наслаждением глотнула обжигающе-холодную газировку и сама не заметила, как выхлебала сразу полбутылки. Уселась на табуретку, подождала минут пятнадцать, давая таблетке время подействовать.

Утро выдалось необычайно тихим для столицы. Хотя какое утро, судя по солнцу, время близится к полудню. Дом Анны, пусть и старый, почти вплотную прилегал к монструозной громаде эстакады, построенной для того, чтоб ликвидировать пробки, но по факту только усилившей их. Потоки машин из области – как по самой эстакаде, так и по расположенным внизу дублёрам, – потоки машин в область, чиновники с мигалками, перекрытия. Смог, рёв двигателей, гудки – шум не прекращался даже ночью.

А сегодня – тишина. Ну да, выходной, конечно, но всё равно странно. Неестественно для Москвы.

Немного придя в себя и вдоволь напившись, пусть и сладкой газировки, Анна решила проверить, что же всё-таки случилось со светом. В общем и целом, днём он не особо-то и нужен, но вот помыться Анне хотелось просто до жути, а для этого надо зарядить телефон и дозвониться до сантехника.

Замок щелкнул тихо, как и всегда, дверь открылась без скрипа, выпуская Анну на слабо освещённую лестничную клетку. Первое, что бросилось в глаза – открытые нараспашку двери соседних квартир. Второе – разбитые окна на площадке между лестничными маршами.

Внутри зашевелилось нехорошее предчувствие, вспомнился вдруг таксист Володя, такой, каким был во сне – окровавленный и с глазом, висящим на тонкой жилке. Анна, не думая, схватила первое, что попало под руку – розовую туфлю на высоком тонком каблуке, – и осторожно прокралась в коридор. Заглянула в каждую квартиру, но никого из соседей не обнаружила. Внутри квартир царил образцовый порядок, на распахнутых дверях не видно было следов взлома. И вообще складывалось впечатление, что соседи просто все разом решили уйти, бросив жильё вместе со всем нажитым имуществом.

Никого не найдя, Анна вышла обратно на площадку, дотянулась до дверцы, прикрывающей электросчётчик. Тумблер стоял в правильном положении. А вот сам счётчик был мертвее мёртвого, отмеряющее киловатты колёсико замерло на одной отметке. На всякий случай Анна проверила оставшиеся счётчики – та же картина.

Что за чертовщина???

Мозг, хоть и с похмелья, работал на удивление чётко. Воды нет, света нет. Газа, скорее всего, тоже нет. В городе подозрительная тишина, соседи пропали, причём свои квартиры оставили открытыми. Эвакуировались, причём в спешке? А её почему оставили?

В любом случае, чтоб понять хоть что-то, ей придётся выйти на улицу. Только, пожалуй, не в мини-юбке.

Переделалась Анна быстро. Джинсы, футболка, кроссовки. Стёртые пальцы, разумеется, предварительно заклеила пластырем. Непонятно, зачем, сунула в карман разряженный смартфон.

Дверь в подъезд была открыта настежь, сорванный доводчик болтался на искорёженном шарнире. Анна, крадучись, прошла по заставленному машинами двору, обогнула торец собственного дома – и не вскрикнула только потому, что вовремя зажала себе рот ладонями.

Улица, на которой она жила, превратилась в кладбище искалеченных автомобилей. Сложенные гармошкой седаны, перевёрнутые джипы – одна бесконечная авария, тянущаяся до самого выезда на пролёгший под эстакадой дублёр, и дальше. Местами на асфальте виднелись подозрительные коричневые пятна.

А вот людей, напротив, нигде не было, никогда не засыпающая столица словно бы вымерла. Анна пошла вдоль дороги к эстакаде, задумчиво заглядывая внутрь брошенных машин.

А ведь грохот тут, наверное, стоял такой, что и мёртвого бы разбудил. А она, надо же, вот вообще ничегошеньки не услышала.

Дойдя до эстакады, Анна остановилась. И куда теперь?

Взгляд сам собой переместился на противоположный дублёр, туда, где она вчера застряла в машине вместе с таксистом Володей и его собакой. Машина с жёлтыми шашечками оказалась на том же самом месте, только вот на крыше её теперь возлежал новенький, блестящий боками чёрный пикап.

Анна бегом рванула туда, заглянула в покрытые трещинами окна. В салоне не оказалось ни Володи, ни овчарки.

Издалека послышался приглушённый расстоянием хлопок, а следом – скрежет, словно кто-то вскрывал огромную консервную банку таким же огромным, а в придачу ещё и тупым ножом. А вслед за этим примерно в километре от Анны над эстакадой в буквальном смысле слова взлетела зелёная малолитражка, грузно перевернулась в воздухе и с грохотом рухнула на дублёр.

От неожиданности Анна не удержалась на ногах, упала, больно ударившись пятой точкой об асфальт, отползла в сторону. Некстати вновь разболелась голова, мешая связно мыслить.

– Да что за?..

Ответом ей было донёсшееся из-за спины негромкое урчание. С замиранием сердца Анна медленно обернулась.

Метрах в тридцати от неё, непрерывно перекатываясь с носка на пятку, стоял мужчина в перепачканном костюме и с неестественно перекошенной словно бы от удара челюстью – Анна, ходившая когда-то на курсы первой помощи, с ходу определила перелом.

– Ой, – вскочила она, забыв обо всём. – Кто это вас так? Да вам же в больницу надо! Тут поликлиника есть, пешком далековато, но давайте я вам помогу дойти. Сегодня выходной, но травмпункт должен работать...

Мужчина заурчал громче, качнулся, поднимая руки.

– Вот так, правильно, – поддержала его Анна и медленно пошла навстречу. – Давайте руки.

Вновь раздался хлопок, голова мужчины дёрнулась, из виска плеснула струйка крови. Анна остолбенела, вконец перестав понимать, что происходит. А мужчина, сделав пару заплетаются шагов, рухнул на асфальт и заскреб по нему пальцами.

И тут нервы у Анны не выдержали. На скорости, которую никак от себя не ожидала, она рванула обратно к своему дому.

– Стой, дура! – крикнул кто-то ей вслед, но Анна и не подумала подчиниться, наоборот, ещё быстрее заработала ногами. Не сбавляя хода, свернула во двор, влетела в подъезд, взбежала на свой пятый этаж. А оказавшись в квартире и заперев дверь на оба замка и ночную задвижку,

долго стояла, пытаясь отдышаться, а в голове, соперничая с вновь усилившейся болью, билась только одна мысль:

«Во что я, чёрт возьми, вляпалась?»

Глава 2. Всё смешалось: люди, зомби...

До вечера Анна из квартиры больше не выходила. С улицы изредка доносились приглушённые выстрелы (теперь-то она знала, что это были за хлопки), грохот, скрежет и рычание, от которого вставали дыбом волосы.

Голова болела всё сильнее, добавилась тошнота. Анна проглотила ещё одну таблетку, запив остатками колы, но это слабо помогло. Больше обезболивающих не было.

Анна злилась – на себя, на вчерашний корпоратив, где напилась едва ли не впервые в жизни, на туман и даже на таксиста Володю, хотя уж он-то был совершенно ни при чём. Ещё Анна злилась на Москву, но как раз это для неё было совершенно нормально.

Подружиться с шумной, торопливой, избалованной столицей Анна не смогла, хоть и прожила в ней все свои двадцать семь лет жизни. Они были слишком разные. Анна всегда мечтала об уединении в крохотном домике где-нибудь на берегу моря, о спокойной и неторопливой жизни. Москва же могла ей предложить только свой бешеный, выжимающий все соки ритм, да множество развлечений, в которых Анна не нуждалась.

Видимо, настал час им, наконец, распрощаться.

У входной двери стоял туго набитый рюкзак с дополнительными лямками на поясе, доставшийся Анне от бывшего. Внутри было только самое необходимое: паспорт, медицинские препараты, запасной комплект одежды, запасная пара кроссовок, все наличные деньги, банковская карта, две найденных в кладовке банки фасоли и завёрнутый в полотенце нож. Туда же отправился не подающий признаков жизни смартфон вместе с зарядкой и ещё одна полулитровая бутылка колы – простой воды в холодильнике не обнаружилось.

Но до наступления темноты покидать ставшую убежищем квартиру Анна не собиралась. Днём она будет слишком заметна на пустынной улице и может попасться на глаза кому-нибудь не тому – например, стрелку, что на её глазах хладнокровно убил ни в чём не повинного человека.

Почему он не выстрелил в неё? Ну, может, патроны у стрелка закончились. Или счёл худенькую девушку с растрёпанными чёрными волосами достаточно безобидной, чтоб позволить себе сэкономить боеприпас. А может – выследил её и только и ждёт, как она высунется из двери, чтоб прикончить или сделать что-нибудь похуже.

О последнем варианте Анна старалась не думать. Плохо приспособленная к нервной, но безопасной московской жизни, она, тем не менее, каким-то невероятным образом умела выкручиваться из ситуаций, напрямую угрожающих её жизни.

Однажды она чуть не сорвалась с горного перевала, когда бывший – заядлый турист, – зачем-то потащил её в один из своих походов. Удержалась лишь благодаря тому, что в нужный момент страх отступил, а мозг, наоборот, заработал на полную и принялся отдавать телу команды – извернись вот так, ухватись за тот выступ. Сейчас неизбежно ударишься головой – терпи, пальцы не разжимай. Тогда Анна заработала серьёзное сотрясение. Но зато осталась жива. И до сих пор испытывала некоторую гордость от того, что сумела в критический момент не запаниковать.

Были в её жизни и другие случаи. Анне доводилось в последний момент выпрыгивать из-под колёс автомобиля, за рулём которого оказался пьяный неадекват, уворачиваться от падающих с крыши сосулек (коммунальные службы столицы, как обычно, работали в поте лица на словах, и не работали от слова «совсем» – на деле), убегать от маньяка с ножом. И всегда с ней происходило одно и то же – страх мгновенно захватывал её целиком и так же молниеносно отступал на задний план, а разум начинал отдавать команды, которые Анна беспрекословно выполняла.

Вот и сейчас, несмотря на страх, ухудшающееся самочувствие и полное непонимание происходящего, Анна понимала – надо уходить, и чем скорее, тем лучше. Уходить не из квартиры – из Москвы.

И всё-таки она предпочла дожждаться вечера.

Закат поразил Анну до глубины души. Мало того, что солнце заходило почему-то на востоке, так оно, опускаясь к горизонту, ещё и расплылось по небу бесформенными чёрными кляксами.

«Ну точно авария какая-нибудь, – подумала Анна. – Химическое производство, выброс отравляющих веществ в атмосферу – от них голова, небось, и болит так сильно, и стороны света путаю. Ну а дальше эвакуация, которую я умудрилась проспять, военные – ведь кем ещё мог оказаться тот стрелок, не бандитом же и не обычным москвичом».

Дождавшись темноты, Анна несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, присела на банкетку на пару секунд, – на дорожку, как говорится, – сама себе пожелала ни пуха, ни пера. И медленно провернула ключ в замке.

Приоткрыла дверь, подождала несколько секунд, слепо вглядываясь в темноту лестничной клетки. Вроде бы никого, пора.

Крадучись, Анна сделала пару шагов по направлению к лестнице...

– Заорёшь – пристрелю. Подними руки, если поняла.

И в тот же миг в затылок упёрлось нечто холодное и твёрдое.

Анна, забыв дышать от страха, подняла руки.

– Умница, – похвалил её мужской голос. – В рюкзаке что? Шёпотом.

– Од-дежда, – заикаясь, пробормотала Анна.

– Звать тебя как? – осведомился всё тот же голос и добавил. – Да не бойсь, убивать не будем, у нас свежих обижать не принято. Примета такая.

– Анна.

– Ну вот, умеешь разговаривать, когда хочешь, – владелец голоса. – Что ж ты днём-то от меня убежала? Насилу нашли тебя, всё ждали, когда из квартиры выйдешь. Уже думали – всё, не дождёмся.

Сердце замерло и ушло в пятки.

«Точно убьют! Я же видела, как они в человека стреляли», – мелькнула паническая мысль.

– Танк, ты точно уверен, что она не заражённая? – неожиданно раздался в стороне другой голос. – Времени не так чтобы много прошло.

Анне показалось, что обладатель голоса ещё очень молод. Моложе, чем берут в армию. И ей это очень, очень не понравилось.

– Не уверен, Жив. Но это Пекло, тут всё быстро происходит. Так, всё, уходим, муры вот-вот нагрянут.

Словно в подтверждение его слов, с улицы послышался выстрел, загрохотал мечущимся среди домов эхом.

– Не успели, – хмуро сообщил Танк.

– Валить их будем? – коротко спросил Жив. – У меня пять патронов, так что пятерых на подступах могу снять.

– Нет. Стрельба мертвяков привлечёт. А это Москва, Жив, а не кластер на Внешке, тут половина, если не больше, от медляков до бегунов уже разожралась.

Анна ничего не понимала. Забыв, что в затылок по-прежнему смотрит, судя по всему, ствол то ли автомата, то ли пистолета, она потянулась к вискам, помассировала их.

Муры, заражённые, кластеры, бегуны – о чём вообще говорят эти люди?

– Значит, так, – помолчав, решил Танк. – Уходим через первый этаж в сторону МКАДа. Без пальбы, тихо. Анна, я сейчас уберу ствол от твоей головы. Не дёргайся и не беги, мы тебе не

враги и вреда не причиним. В Москве произошло... кое-что, и надо убираться отсюда, причём срочно – через несколько часов здесь такое начнётся, что шансов выжить ни у тебя, ни у нас не будет. Поняла?

подавив желание сломя голову рвануть вниз по лестнице, Анна кивнула. Она и сама не знала, чего надо бояться больше – вооружённых людей, поджидавших её у дверей квартиры, или ещё чего-нибудь. Но интуиция подсказывала – именно сейчас лучше послушаться.

– А ты умнее, чем кажешься, – одобрительно прошептал Танк. – Значит, так. Если хочешь жить – держись рядом со мной. И веди себя так тихо, чтоб все мышки-норушки от зависти померли бы. Выберемся за МКАД, я тебе объясню, что происходит.

– Вы ведь военные, да? – набравшись смелости, поинтересовалась Анна. – Собираете горожан, которые эвакуацию прозевали.

В темноте послышался звук, похожий на приглушённый смех.

– Можно сказать и так. А теперь отставить разговоры. За мной, Анна. И повторю ещё раз – держись рядом и выполняй все команды. Отстанешь – ждать не буду, достанешься либо мертвякам на обед, либо мурам. С учётом твоей смазливости мертвяки предпочтительней – мурам живых баб обычно не достаётся, они от гормонов на стенку лезут, готовы хоть мертвячкам присунуть, хоть друг друга под хвост отхулиганить.

– Я поняла, – упавшим голосом сказала Анна.

– Отлично. Выходим.

Чувствуя себя марионеткой, играющей роль в спектакле психически нездорового режиссёра, Анна последовала за «военными» на первый этаж.

– Вон там окно без решётки, – прошептал Жив. – Свалим тихо и в нужную сторону, пока муры к подъезду подбираться будут.

– Пошли.

Танк спрыгнул на землю первым, помог Анне. Следом бесшумно выбрался Жив.

Только теперь Анна смогла хоть немного разглядеть своих спутников. Оба в камуфляже и бронежилетах. Танк высокий и весь какой-то квадратный, с коротко стриженной головой и грубыми, словно из камня вырубленными чертами лица, и впрямь чем-то напоминает танк. Жив, наоборот, невысокий и тощий, словно подросток, лица не видно под шлемом с защитным щитком для глаз.

Пригнувшись, Танк пробежал несколько шагов, приложив плечо к прикладу то ли автомата, то ли карабина – в моделях оружия Анна разбиралась не очень, хотя стрелять (опять спасибо бывшему) немного умела. Жив, из-за спины которого выглядывало нечто, похожее на винтовку, держал наизготовку пистолет с накрученным на ствол цилиндром глушителя.

Присев между припаркованных вдоль дороги машин, Танк, не оборачиваясь, ткнул в Анну пальцем и поманил к себе.

– Пригнись и беги к Танку, – объяснил Жив, прижавшись к стене сбоку от окна, через которое они только что вылезли.

Анна подчинилась, поминутно сжимаясь от страха, что сейчас с ней случится что-нибудь нехорошее, подбежала к Танку.

Тот, опустив руку к бедру, помахал ею вперёд-назад, и через секунду рядом с Анной сидел ещё и Жив.

– Сейчас перебежками. Я первый, все ждут команды. Как поманю, бежит Анна. Жив, ты за себя сам знаешь. Пошёл.

Это вряд ли было командой, скорее, уведомлением для неё. Танк сорвался с места и, не разгибаясь и не опуская автомат, помчался через дорогу, превратившуюся прошлой ночью в кладбище машин. Присел за седаном, припаркованным на противоположной стороне, поводит стволом из стороны в сторону. И снова повторил недавние жесты.

Теперь Анна сразу поняла, что от неё требуется, побежала, старясь держаться так, чтоб голова не торчала над крышами автомобилей, приземлилась рядом с Танком. Тот, не оборачиваясь, молча показал ей большой палец.

Жив подзадержался, а когда, наконец, добрался до нового укрытия, прошептал:

– Бегуны. Трое. И топтун.

Танк кивнул и, обернувшись к Анне, приложил палец к губам.

– Как мышка.

Приподнялся над крышей седана, повертел головой. И снова побежал. Укрывшись за сине-белым домиком, назначения которого Анна не знала, вновь поманил её.

Так они миновали три таких же кирпичных пятиэтажных дома, как тот, где жила Анна, и вышли на параллельную улицу. Здесь уже стояли дома поновее и имелся даже свой торговый центр местечкового значения.

– Эх, мороженого бы, – мечтательно протянул Жив, глядя на приткнувшийся между этим центром и автобусной остановкой ларёк с приметной надписью. – Сто лет его уже не жрал.

– И ещё не пожрёшь, – отрезал Танк напряжённым голосом. – Что-то долго они, тебе не кажется?

– Да уж, – согласился Жив. – Должны были бы уже наткнуться на топтуна.

Анна по-прежнему ничего не понимала. К списку новых для неё названий добавились бегун и топтун, но что подразумевали под ними её спутники, для девушки оставалось загадкой.

Словно в ответ, с улицы, которую они недавно покинули, послышался топот, словно невеста откуда взявшаяся лошадь понеслась по асфальту, звонко цокая копытами, удар, скрежет разрываемого железа и крик – обычный, человеческий.

Анна, забыв и о себе, и обо всех кошмарных странностях сегодняшнего дня, чуть не ринулась в обратную сторону.

– Сидеть! – тяжёлая ладонь Танка легла на плечо, придавила Анну обратно к земле. – Жить надоело?

– Но там же люди, – чувствуя себя невероятно слабой и беспомощной, пролепетала Анна.

– Муры это, а не люди, – с непонятным азартом пояснил Жив. – Бандиты, отбросы общества, насильники, убийцы. Поделом им, сейчас топтун их на тряпки порвёт.

– Да даже если б не муры, нашим составом я костями лягу, но на топтуна не пойду, – мрачно добавил Танк. – Что замерли? Двигаем ляжками, на шум, того и гляди, рубер пожалует. А то и элита какая-нибудь свежеиспечённая.

– С соседних кластеров – может быть. Но чтоб местная, – усомнился Жив.

– Это Москва. Жрачки дохрена, так что я не удивлюсь, если тут удачливому пустышу и суток хватит, чтоб в элиту вымахать. Всё, идём!

Так же, перебежками, без приключений пробрались ещё через два двора, обошли сзади хорошо знакомый Анне магазин, пересекли улицу, плавно заворачивающую в сторону Можайки, и оказались совсем рядом с МКАДом – на фоне тёмного неба даже можно было разглядеть бетонную конструкцию ещё одной эстакады.

– Почти пришли, – радостно прошептал Анне Жив.

– Не говори «гоп», – тут же осадил его Танк.

Сам он, засев между отвратительно зелёным мусорным контейнером и серой стенкой низкого строения, отдалённо напоминающего газовую котельную, и, похоже, сильно сомневался в том, стоит ли пересекать дорогу именно в этом месте.

– Не нравится мне что-то, – наконец, проронил он. – Слишком тихо.

– Так ведь и должно быть тихо, Жнец же не дурак.

– Боюсь, нет там уже Жнеца, – нехорошим тоном проговорил Танк. – Ладно, тут посиди. Я сгоняю, проверю обстановку.

– Кто такой Жнец? – немного осмелев после ухода Танка, поинтересовалась Анна.

Жив удивлённо отпрянул, а потом рассмеялся.

– Совсем забыл, что ты свежая ещё. Жнец, он... ну, скоро сама увидишь, его в двух словах не описать.

– А что значит «свежая»?

Паренёк немного помолчал.

– Это тоже вот так запросто не объяснить.

– Ну пожалуйста, – включила всё своё обаяние Анна.

– Ладно, – махнул рукой Жив. – Только все уточнения – потом. Хорошо?

Анна старательно закивала.

– Свежими мы зовём тех, кто попал в кисляк при перезагрузке кластера и умудрился не стать мертвяком. Ну то есть у тебя обнаружился иммунитет к той дряни, которая в тумане была.

– А все остальные умерли?

– Не совсем, – уклончиво ответил Жив. – Они заразились. Ну, типа вирусом или грибком. И стали зомби. Мутантами. Да ты видела одного такого, я его днём снял, когда ты на дорогу вышла.

Анна ахнула.

– Да какой он зомби? Обычный человек.

– Только с виду, – покачал головой Жив. – Просто он пока медляк. Пустыш. В смысле, тупой совсем. Муры ночью пальбу ближе к центру устроили, а у мертвяков слух хороший, они все туда и сбежались. Иначе у тебя под окнами такое бы творилось, что мы с Танком и не сунулись бы. А этот пустыш, видимо, всё веселье пропустил, вот и слонялся по дороге. У них поначалу силёнок совсем мало, а жратвы, кроме тебя, не нашлось.

Анна схватилась за голову.

– Но тогда они не зомби и не мертвяки, а заражённые. Может, лекарство какое есть...

– Есть, – кивнул Жив. – Только им оно уже не поможет. А таким, как мы – самое то. Ты, кстати, как себя чувствуешь?

– Голова болит, – обмякнув, пожаловалась Анна. – Тошнит. И пить хочется. У меня дома только газировка была, три бутылки выпила, одну с собой взяла. А ощущение такое, что уже неделю ни капли жидкости в рот не брала. Это с похмелья, наверное, корпоратив вчера был...

– Ясно. На вот, глотни. Только немного, – Жив вытащил из кармана штанов крохотную фляжку, протянул Анне.

– Что это?

– То самое лекарство.

Анна открутила пробку, принялась и едва успела зажать нос.

– Дрянь какая!

– Нам эту дрянь теперь всю жизнь употреблять, – нравоучительно заметил Жив. – Это Танка живчик, он любит покрепче.

– А кто-то любит поговорить вместо того, чтоб по сторонам смотреть.

Жив втянул голову в плечи, Анна ойкнула.

– Что, прозевали? – недовольно поинтересовался Танк. – А если б бегун был? Или рубер?

– Танк, я тут живчик твой Анне дал, она кисляка надышалась, да ещё с похмелья...

– Ну раз дал, так пусть пьёт, – грубо ответил Танк.

– Спасибо, но я воздержусь, – Анна завинтила крышку, протянула флягу Живу.

– Пей! – неожиданно навис над ней Танк. – Или хочешь мертвяком стать?

– Н-не хочу, – замотала головой Анна.

– Ну так и не тяни. Время дорого.

Что-то в тоне его голоса заставило Анну послушаться. Нет, в то, что она превратится в мертвяка или зомби, она не верила – ведь не превратилась же до сих пор. Но, похоже, Танк был чем-то сильно недоволен, и злить его сейчас не стоило от слова «совсем».

Ладно, лишь бы не наркота какая. В бога Анна не верила, но всё же помолилась и задержала дыхание перед тем, как поднести фляжку ко рту, сделала крохотный глоток.

Горло обожгло, желудок чертыхнулся. Анна зажала рот и затряслась в беззвучном кашле.

– Пока достаточно. А там, если повезёт выжить, свой живчик научишься делать, – Танк забрал фляжку, завинтил и отдал Живу. – Ну что, Анна, как теперь себя чувствуешь?

Анна помотала головой, показывая, что прямо сейчас не может ответить, и вдруг поняла, что боль исчезла.

– Вот и хорошо, одной проблемой меньше, – подытожил Танк. – Нас это, правда, уже не спасёт.

– Что случилось? – всполошился Жив.

– То, что и предполагалось, – мрачно ответил Танк. – Нет больше Жнеца. И команды нет, одни трупы и ни одного грузовика. И я даже не знаю, что лучше, остаться тут и помереть от зубов честных мертвяков или идти сквозь Пекло пешком с двумя стволами и наполовину пустыми магазинами.

Глава 3. К слову о туфлях и собачьей верности

– Вот это – запад, – привычная Анне шариковая ручка прочертила с левой стороны тетрадного листа вертикальную полосу. – Здесь – Пекло, – рядом с полосой появился неровный овал. – То есть место, где появляются всякие мегаполисы. А вот тут, на самом краю – твоя Москва.

От объяснений Жива о том, как устроен Улей, у Анны волосы вставали дыбом. Хотелось то плакать, то смеяться. Вчера она ни за что бы не поверила в этот бред. Но сегодня, своими глазами увидев восход там, где раньше был запад, посмотрев на оборванную сразу за МКАДом ленту Можайки и воткнувший в неё обрубок совсем другой дороги, на отсутствие привычных торговых центров...

Правильно ей вчера ничего не объяснили. Вытащили из столицы – и на том спасибо, могли ведь и бросить, уйти вместе со всеми. И тогда Анну ждала нерадостная и очень короткая жизнь.

Танк и Жив были рейдерами – одними из многих, кого собрал под своим началом Жнец. Группа была сильная – сплошь бывшие военные, – и сработанная. К тому же – хорошо экипированная. Работали они по зоне, в которую мало кто решался заходить. Вглубь, разумеется, не лезли, а вот окраины щипали, как следует. Главное – всё сделать быстро, пока пустыши не развились в кого посильнее. Охотой на заражённых они не занимались, а вот оружие, патроны, снаряжение вытаскивали из только что перезагрузившихся кластеров в таких количествах, что овчинка явно стоила выделки.

В этот раз что-то пошло не так. Вернее, не так пошло вообще всё.

Жнец, уже третий год подряд грабивший мегаполисы на границе Пекла, стал слишком беспечен. Он искренне считал, что никто другой в Пекло не сунется, и опасность тут может исходить только от заражённых.

Теперь Жнеца не стало, как и его группы. В живых остались только Танк и Жив – и то исключительно потому, что по несвойственной местным доброте решили спасти Анну.

– Красивая ты, – буркнул Танк в ответ на прямой вопрос. – Мало у нас тут баб, слабые они, не выживают. А красивых так вообще днём с огнём не найти.

Вот и вся причина.

Анне, правда, долгой жизни тоже никто не обещал. Насколько она поняла, в Улье даже год считается огромным сроком, и мало кто до него дотягивает. Большинство свежих – то есть тех, кто, надышавшись кислого тумана, не стал заражённым, – гибнет в первые несколько дней. Причём далеко не всегда из-за плотоядно настроенных мертвяков.

– Так вот, примерно отсюда, – ручка уткнулась в бумагу внутри кривого овала и прочертила неровную линию вправо от него, – нам нужно добраться сюда. Тут наш стаб...

– И мы в него не попадём, если так и будем сидеть в этом магазине и рисовать картинки, – недовольно встрял Танк. – Ещё немного, и заражённые из Москвы попрут.

– Так мы готовы, – обиженно вскинулся Жив. – Анна, на ещё живчика глотни перед дорогой.

Рецептом местного пойла с ней тоже поделились, и в первый момент, когда Анна узнала, откуда берётся основной ингредиент, она чуть было не распрощалась с содержимым и без того полупустого желудка.

– А отбиваться от мертвяков чем будем? – саркастически поинтересовался Танк. – У меня полрощка всего, патроны на муров надо оставить.

– Думаешь, неподалёку залегли?

– Всё может быть, – пожал плечами Танк и поднялся с пола, закидывая автомат на плечо. Поднял с пола топор – его он получасом ранее без зазрения совести снял с пожарного щита. –

Значит, так. Идём прежним порядком: я, Анна, Жив. Медляков всех видов мочим тихо, у бегунов не забываем вскрывать споровые мешки – вдруг повезёт споран – другой найти. Тем, кто посильнее, на глаза не попадаемся. Муров, если встретим, тоже стараемся обойти, стрельбу открываем только в самом крайнем случае.

Жив деловито проверил пистолетный магазин, покачал головой.

– У меня семь. Пять к винтовке. Нож. Ну и вот эта бандурина.

За поясом у него торчал слегка проржавевший с одного конца ломик.

– Анна?

– Жив посоветовал вот это взять, – Анна покачала в руках метровый обломок белой пластиковой трубы.

Танк скептически хмыкнул, вопросительно глянул на Жива.

– Она ж не умеет ничего, – начал оправдываться тот. – Ей, главное, к себе заражённого не подпустить, а там мы с тобой подоспеть попытаемся.

– Ну если будет тыкать, как копьём, то, может, и сойдёт. Лупить этой зубочисткой никого не вздумай, только отгоняй. А если увидишь развитого мертвяка, лучше беги. Поняла, Анна?

– Поняла.

Танк с тем же издевательским выражением лица покосился на бок Анны.

– А это тоже оружие?

Анна недоумённо проследила за его взглядом. И густо покраснела – на поясной лямке рюкзака, зацепившись за одну из пряжек, покачивалась розовая женская туфля на высоченном каблуке. Правая.

– Я не нарочно, я... это когда я рюкзак с пола поднимала, наверное... – Анна потянулась к ненавистой туфле.

– Оставь, – посоветовал Танк. – Каблук тонкий, мало ли, им отбиваться придётся.

Анна так и не поняла, пошутил он или действительно посчитал, что и туфля может оказаться оружием.

– Всё, выходим, – посерьёзней Танк. – Кто отстанет – ждать не буду.

Убежище, чтоб переждать остаток ночи, они нашли в заброшенном супермаркете в паре километров от МКАДа. Фиолетовая вывеска с надписью арабской вязью была Анне не знакома. В её мире здесь тоже был магазин – огромный, сияющий огнями торговый центр. И вывески на нём были на русском и изредка английском языках.

Местность была Анне совершенно не знакома. Вместо современного шоссе – старая дорога с потрескавшимся асфальтом. Вместо торговых центров – ряды придорожных забегаловок и единственный магазин, а дальше – бескрайние поля.

Машин на дороге было немного, и все – аккуратно припаркованы на обочинах. Танк жестами что-то показал Живу, и тот, крадучись, принялся обходить автомобили.

– Что он ищет? – поинтересовалась Анна.

– Тачку, которая заведётся.

– А разве так можно? Двигатель ведь будет шуметь...

– Тут такое дело, – пояснил Жив, не переставая постоянно осматриваться. – Ехать на машине, конечно, опасно. Но у нас выбора особого нет, пешком хуже будет. Танк прав, мертвяки вот-вот...

Не договорив, Жив выхватил ломик и с силой придавил Анну вниз.

– Впереди заражённые, – одними губами произнёс он.

Анна изо всех сил постаралась слиться с местностью.

Жив медленно, стараясь не шуметь, положил ломик на асфальт, вытащил пистолет.

– Сиди тут, – бросил он и на карачках пополз вокруг машины.

Анна осталась одна. Умом она понимала – в одиночку ей в этом новом мире не выжить. Но страха, как это ни странно, не было. Надо осваиваться, надо учиться всё делать самой. В

прошлой жизни такой подход не раз выручал Анну из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. Наверняка поможет и в нынешней.

Немного подумав, Анна отложила в сторону обломок пластиковой трубы и подхватила оставленный Живом лом. Она понятия не имела, как орудовать этой тяжелой железкой, но её присутствие в руках внушало некоторую уверенность, что Анна, в случае чего, сможет хотя бы попытаться отбиться от зомби.

Глубоко вдохнув пару раз и набравшись смелости, Анна приподняла голову над крышей машины и сразу заметила Жива – тот прятался за обшарпанной стенкой расположившейся в десяти метрах впереди старой автобусной остановки, и, сменив пистолет на винтовку, целился из-за угла в существо настолько кошмарного вида, что Анна с трудом поборолла желание немедленно вскочить и со всех ног припустить подальше отсюда.

Ростом за два метра, руки длинные и, кажется, когтистые. Безобразно раздутые плечи, причём одно сильно больше другого. Лысая голова и позвоночник прикрыты какими-то пластинами, между затылком и шеей круглый нарост.

Анна крепче сжала лом вспотевшими ладонями. Вряд ли он поможет против такого чудовища, но это лучше, чем быть совсем безоружной. Тем более, что монстр был не один – рядом с ним замерли трое заражённых. Двое пока не успели потерять человеческий облик и даже щеголяли в одежде. Третий успел попрощаться со штанами – рассказанные Живом неаппетитные подробности того, почему штаны всегда теряются первыми, Анна предпочла не вспоминать. Но, судя по этой детали, бесштаный, скорее всего, уже не был обычным медляком.

Мертвяки были слишком заняты, чтоб заметить живых людей. Они сгрудились рядом с одной из забегаловок. Пустыши пытались одновременно войти в распахнутый дверной проём и постоянно сталкивались, бесштаный безуспешно скрёб ногтями по оконному стеклу. Монстр ломиться в забегаловку не пытался, но как-то очень нехорошо присматривался к дыре на крыше, словно собирался туда запрыгнуть.

Покрутив головой, Анна нашла Танка – тот схоронился в придорожной канаве на противоположной стороне дороги. Заметив, что Анна на него смотрит, Танк быстро прижал палец к губам, а потом им же очертил большой полукруг. Анна кивнула. Всё ясно, Танк надеется тихонько обойти группу заражённых, благо, что мертвяки, судя по всему, заняты едой и живых людей пока не заметили.

Что ж, по кругу так по кругу. Не спуская глаз с пирующих мертвяков, Анна побежала, стараясь ступать бесшумно. А добравшись до обочины, замешкалась. Кювет был наполовину заполнен водой, от которой несло тухлятиной, спускаться в эту дрянь не хотелось категорически. Зато в метре от него возвышалась груда переломанных ящиков, в каких обычно перевозят фрукты. То, что нужно!

Разбежавшись, Анна перепрыгнула через кювет, краем глаза заметив, как вытянулось лицо Танка, приземлилась и шагнула к укрытию.

– Хр-р! – подло хрустнула не вовремя оказавшаяся на дороге ветка.

Анна застыла, испуганно обернувшись. Двое пустышей так и продолжали ломиться в забегаловку. Тот, что был без штанов, прекратил скрести стекло и принялся крутить головой.

Монстр возле забегаловки уже успел развернуться и оценивающе разглядывал Анну.

До ящиков было рукой подать, но такому чуду-юду хлипкая преграда – не помеха. Такими-то когтистыми ручищами он свою добычу откуда угодно достанет, если захочет. А он явно хочет – вон как плотоядно смотрит, аж челюсть свою безобразную отвесил, того и гляди, слюной изойдёт при виде свежатины.

Бей или беги – инстинкт, знакомый каждому живому существу. При виде опасности в кровь выбрасываются адреналин и прочие гормоны стресса, учащается дыхание и сердцебиение, начинается тремор конечностей, мышцы готовятся расходовать запасённый в них гликоген. В общем, мобилизуются все доступные человеческому организму резервы.

Анна не побежала. Замерла на месте, покрепче перехватив ломик вспотевшими ладонями. Адреналина в её крови было хоть отбавляй. А осознание, что ей нечего противопоставить такой твари, увеличивало его концентрацию до запредельной.

Монстр радостно заурчал и понёсся на Анну, звонка цокая пятками.

Размеренно, двойками, застучал автомат Танка, но пули только бессильно рикошетили от пластин, прикрывающих грудь монстра. С противоположной стороны, от остановки, сухо бахнула винтовка – раз, другой.

Жив, судя по всему, был отличным стрелком и умудрился попасть между пластин, потому что монстр вдруг молниеносно развернувшись, подскочил к остановке и взмахнул лапами. Жалобно заскрежетало железо, и большая часть стенки, за которой прятался Жив, отлетела в сторону вместе с крышей. Парнишка не растерялся, вскинул винтовку, выстрелил ещё раз. Монстр замахнулся повторно.

Анна не выдержала, помчалась к монстру. Вскинула лом, со всей силы долбанула по хребту твари и краем глаза заметила, что Жив теперь лежит намного дальше и не шевелится.

– Гадина! – не своим голосом заорала Анна, поддавшись порыву сумасшедшей смелости – умирать так умирать, но хоть не безвольной куклой, какой она была всю свою предыдущую жизнь.

И ударила ещё раз, удачно попав монстру по голове.

Если первое попадание ломиком монстр предпочёл не заметить, то второе его явно разозлило. Он развернулся, забыв о неподвижном Живе, чудовищная лапа обхватила ломик, вырвала из рук Анны, смяла, словно тот был сделан из бумаги, и отбросила в сторону. Анна приготовилась умереть.

– Беги! – заорал Танк.

Снова застучал автомат и почти сразу захлебнулся сухим щелчком – патроны кончились.

Анна вспомнила о ноже, припрятанном на дне рюкзака. Кухонный хозбыт, такой скорее сломается сам, чем причинит твари хоть какой-то ущерб. Монстр поднял лапу, намереваясь прикончить Анну, и вдруг замер. Задумчиво поводил носом, принюхиваясь, и снова обернулся к Живу.

Паренёк так и лежал, безвольно раскинув руки, и не подавал признаков жизни. А между ним и монстром, вздыбив шерсть и оскалившись, стояла хорошо знакомая Анне овчарка.

Монстр взревел и бросился на собаку, начисто забыв о людях. Поймать вожака целю оказалось непросто – чёрно-рыжая псина не торопилась попадать под удары кошмарных лап. Она пятилась, отпрыгивала, отбегала, но сама не нападала. Словно пыталась увести заражённого подальше от людей.

Мимо застывшей Анны грузно пробежал Танк, сверкнул нож – добротный охотничий, а не её игрушка, которой только колбасу резать. Монстр отмахнулся, не глядя, когтистая лапа играючи отбросила Танка, и тот, всей спиной врезавшись в кузов стоявшего неподалёку микроавтобуса, затих.

Монстр, тем временем, изменил тактику. На Анну он по-прежнему не обращал внимания – похоже, решил сосредоточиться на более подвижной добыче. Урча в предвкушении сытного и вкусного обеда, монстр методично теснил овчарку к характерному дощатому домику с дверцей и крохотным окошком, от которого невообразимо несло застарелым дерьмом. Домик был огорожен невысоким забором из штакетника. В метре от домика забор изгибался, образуя внутренний угол, в который было бы так удобно загнать слишком подвижную добычу.

Анна вновь вспомнила о ноже и сразу отбросила мысль достать его. Слишком долго – пока она скинет рюкзак, пока откроет. Нет, никак не успеть. Лом? Да она вообще не видела, куда монстр его отшвырнул.

Но рюкзак всё-таки стоит снять. Если выживет – что маловероятно, – потом его подберёт. А на нет и суда нет, всё равно только мешает.

Пока мысли думались, руки начали действовать. Расстегнули грудную и поясную пряжку, потянулись к лямкам, и правая ладонь неожиданно наткнулась на нечто.

Анна расширенными глазами посмотрела на туфлю, с трудом припомнила, что Танк то ли в шутку, а то ли серьёзно предложил её не выкидывать – на случай, если совсем никакого оружия не останется.

Да нет, бред какой-то! С туфлей против твари, которую не берут даже пули? Ну а как ещё-то? Все равно ж помирать, Анна видела, с какой скоростью бежит этот словно сошедший с одной из картин небезызвестного Гигера монстр. Расправится с овчаркой, а потом наступит и её, Анны, очередь. А так, может, хоть собака сумеет убежать.

Решившись, Анна повела плечами, скидывая рюкзак, покрепче зажала туфлю и ринулась на монстра. Тот уже почти добился своего – несчастная овчарка металась между забором и домиком «МЖ».

Все уязвимые места твари были прикрыты костяными пластинами. Может, попробовать ударить в их сочленения? Найти бы только щель, успеть бы...

Монстр вцепился одной лапой в забор, круша штакетник, другой опёрся на домик, отчего тот протяжно закрипел, и присел, намереваясь вцепиться зубами в загнанную овчарку.

Анна в панике шарила взглядом по спине, ища хоть какую-то щель в броне, но пластины прилегали друг к другу так плотно, что не подкопаться. Все – за исключением одной.

Жив действительно был отличным стрелком. Винтовка – не лучшее оружие для дистанции в тридцать метров, но паренёк почти попал. Выпуклая пластина между шеей и затылком монстра была повреждена, пуля отогнула её вверх и разделила на две неровные половинки, оставив беззащитным нарост размером с детский кулак. Бить, правда, придётся снизу вверх, но больше она всё равно ничего сделать не сможет.

Решившись, Анна подбежала к монстру, вспрыгнула на отключенную задницу, как следует оттолкнулась ногами и со всей силы воткнула каблук прямоком в нарост.

К её удивлению, туфля, оказавшаяся настолько неудобной в носке, на этот раз продемонстрировала себя во всей красе. Супинатор выдержал нагрузку, тонкий каблук с хрустом прорвал серую, морщинистую кожу нароста и почти без сопротивления ушёл внутрь на всю свою маленькую высоту.

Монстр взревел, вскидывая лапы. Поднялся, на подкашивающихся ногах сделал два шага назад, попытался развернуться, рухнул плашмя и затих.

Анна без сил осела прямо на асфальт. Руки тряслись от выброшенного в кровь адреналина, сердце колотилось, как ненормальное. Ну надо же, смогла. Она смогла! От избытка эмоций глаза защипало. Анна зажмурилась и вдруг почувствовала, как ладоней коснулось что-то холодное и мокрое, похожее на собачий нос. Глаза пришлось открыть.

Так и есть – перед Анной сидела та самая овчарка.

– Лайма? – с трудом припомнила имя Анна. – Спасибо тебе, милая, выручила. А что ж ты одна? Где Володя?

Немка вильнула хвостом и вдруг, вздыбив шерсть, уставилась Анне за спину.

«Ну конечно, там же ещё трое!»

Тревога оказалась ложной, пустыши и голозадый бегун в первые же секунды боя словили положенные им пули и навеки упокоились перед вожаком забегаловки. А вот Танк, вопреки ожиданиям, оказался живёхонек – сумел подняться и, матерясь, ковылял по направлению к Анне.

– Тихо, тихо, – успокоила она овчарку. – Свои.

– Как ты, Анна?

– В порядке. Только перепугалась. Что с Живом?

Танк повернул голову к останкам остановки и беспечно махнул рукой.

– Да что с ним делается? Полежит, оклемается. Живчик он и есть Живчик. Твоя псина?

– Не моя. Когда туман был, меня таксист вёз. Вот его она. Хозяина бы найти...

– Забудь, – отрубил Танк. – Как ты топтуна завалить умудрилась?

Анна замотала головой.

– Я даже не знаю, как объяснить...

– Ладно, сам посмотрю, – Танк направился к лежащему монстру, на всякий случай взяв наизготовку нож.

Пнул ботинком лапу, проверяя, не дёрнется ли тварь, посмотрел на шею – и остолбенел.

Анна, несмотря на усталость, гордо усмехнулась.

– Охренеть! – только и смог выдавить Танк, глядя на торчащую из нароста розовую туфлю.

Не подвёл «Маноло Бланик». Не подвёл.

Глава 4. Времена не выбирают. А вот имена...

– Серьёзно? Каблуком? Прямо в спортивный мешок? Танк, да ты шутишь!

Жив и впрямь оказался Живчиком. Анна уже знала, что у всех иммунных в Улье со временем повышается регенерация, скорость реакций, выносливость. На ускорение выздоровления также влияют усиленное питание и употребление пойкилы из спорангов.

Но это же не значит, что раны должны затягиваться прямо на глазах!

Жив приходил в себя со скоростью, недоступной не то что обычному человеку, но даже и иммунному, продержавшемуся в Улье достаточно долго. Уже к концу схватки с топтуном разорванная грудина парня успела покрыться коркой, а глубокие царапины от когтей и шипов вообще почти исчезли. Неестественно вывернутую в локте руку Жива Танк просто вывернул в правильное положение и так оставил, даже не зафиксировав.

До найденной Танком машины Жив доковылял сам, без помощи. Развалился на заднем сиденье и присосался к фляжке с живцом. Танк, придерживая разорванный бок, уселся за руль, а Анне пришлось ютиться на переднем пассажирском вместе с овчаркой – бросать собаку она отказалась наотрез. Та, впрочем, тоже не собиралась оставаться, ходила за Анной по пятам.

Спортивный белый седан ревел двигателем на всю округу, без напряжения выдавая под две сотни в час. На такой гул давно должны были бы сбежаться все заражённые с ближайших кластеров, но дорога была подозрительно пуста, только на обочинах временами мелькали обглоданные добела скелеты. Пару раз им встретились бегуны, которых Танк попросту объехал, да разок за ними увязался заражённый, отдалённо похожий на переешую стероидов помесь человека и гориллы.

– Лотерейщик, – спокойно прокомментировал Жив. – Не догонит.

Анну такое затишье тревожило. По словам рейдеров, здесь должно было бы быть весьма оживлённо – мало того, что Пекло, так ещё и всего сутки с перезагрузки соседнего кластера прошли. Заражённые разной степени развитости должны разгуливать, как звёзды на Бродвее.

А вместо этого – тишина и покой.

– Возможно, кластер вот-вот на внеплановую перезагрузку пойдёт, – напряжённо откликнулся Танк, когда Анна рискнула поделиться своими подозрениями. – Но маловероятно. Кисляка не видно.

– Тогда почему здесь так спокойно?

Танк и развалившийся на заднем сиденье Жив переглянулись.

– Тебе бы выбрать новое имя, Анна, – вместо ответа посоветовал Танк.

– Зачем? – удивилась Анна.

– Да традиция такая, – как ни в чём не бывало откликнулся Жив. – Примета. Кто в Улей попал – домой не вернётся. Так что прежнего себя надо забывать. Мужиков крестят обычно, погоняло дают. А женщины сами себе имя выбирают.

Анна задумчиво посмотрела в окно на проносящиеся мимо пейзажи. Не сказать, чтоб она питала какую-то особую любовь к собственному имени, но и менять его ей не особо хотелось.

– А что, если я тоже хочу погоняло, а не имя?

Танк удивлённо вскинул брови.

– А что? – неожиданно поддержал Анну Жив. – В исключительных случаях и женщину окрестить можно. Будет у тебя крестница, а не крестник. Топтуна завалить на второй день в Улье! Да я б за такую крестницу душу продал! Танк, а давай я сам её окрещу?

– Обойдётся, – беззлобно огрызнулся Танк.

– Ладно, как скажешь. Так что, какое погоняло дадим?

Танк исподлобья посмотрел на Анну.

– Выбирай сама, я в ваших, женских, штучках, не силен. Ещё ляпну чего, а ты меня потом каблуком этим своим, как топтуна.

– Шпилька, – сказала Анна, скосив глаза на перемазанную кровью и слизью, потерявшую весь свой лоск туфлю, торчащую из кармана рюкзака.

Она сама не понимала, почему не оставила её в теле топтуна.

– А что, хорошо звучит, – вскинулся Жив. – Это же заколка такая вроде, да?

– Заколка, – кивнула Анна. – И каблук.

На лицо Танка выползла довольная ухмылка.

– Каблук – это хорошо, в тему. Тогда добро пожаловать в Улей, Шпилька. Долгой жизни не обещаю, но потенциал у тебя есть. На вот, кстати, пока не забыл.

Танк вытащил из кармана споран и зелёную горошину размером с ноготь мизинца, положил Шпильке в ладонь.

– Спораны по-честному поделим, каждому по штуке. А горох твой, заслужила. Как живчик готовить, знаешь уже. А горох в уксусе с содой растворять надо. Ну и через тряпку под конец процедить.

– Для чего он? – спросила Шпилька, разглядывая горошину.

– Жив?

– Я про способности не успел рассказать, – откликнулся парнишка.

– Ну так сейчас расскажи.

– Сам и расскажи. Ты же крёстный, – рассмеялся Жив.

– Су... волочь, – вздохнул Танк. – Ладно, слушай сюда... крестница. Рано или поздно у каждого иммунного просыпается нечто вроде сверхспособностей. Кто-то время может замедлять, кто-то сигарету от пальца прикуривает. В общем, как повезёт. Способностей обычно несколько, но проявляются они не сразу. Так вот, чтоб это ускорить, мы горох и пьём. Средство слабое, зато, в отличие от жемчуга, безопасное. И достать проще.

– Значит, уксус и сода, – себе под нос пробормотала Шпилька, пряча споран и горошину в карман. – А жемчуг как добыть?

– Цепкая какая, – восхитился Жив. – Не, Танк, ты только глянь – второй день, а уже за жемчугом намылилась.

– Никуда я пока не намылилась, – отрезала Шпилька. – Жить хочу.

– Это правильно, – одобрил Танк. – Рано ещё. Но про жемчуг расскажу. Добывают его из элиты, изредка в руберах попадается. Бывает двух видов – чёрный и красный. У чёрного риск побочных эффектов выше. Ну там травануться можно или квазом стать. Иногда и умом люди двигают. Зато шанс новый дар открыть. Но только шанс, случается, что и не срабатывает. Бывает ещё белый жемчуг, у него никаких галимых спецэффектов нет. Но про белый сразу забудь, я тебе даже и рассказывать не буду, из каких тварей его добывают.

– Почему?

– Примета плохая. Особенно в Пекле. Нам везёт пока, не хочу удачу спугнуть.

– Везёт, что кластер пустой оказался? Почти без заражённых? Почему так?

Танк вздохнул, ещё раз переглянулся с Живом.

– Муры этой же дорогой из Москвы ушли. Со всеми нашими грузовиками. Ну и по пути решили, видимо, проверить кое-какое средство.

– Какое?

Шпилька, когда хотела, умела быть очень упорной.

– Да ладно, Танк, крестница же, – встрял Жив. – Ей так и так с нами теперь.

Танк помолчал, наморщив лоб. И махнул рукой.

– В общем, так. Мы в твою Москву не в первый раз уже ходим. Поняла уже, наверное, что у нас тропка сюда давно протоптана?

Шпилька кивнула, вся превратившись во внимание.

– Знаешь, что такое «фунгицид»?

– Штука для обработки растений от грибов и всякой плесени?

– Именно. Только те, что для растений, это так, гражданский вариант. Но есть там у вас одна любопытная лаборатория, работающая на военные нужды. Занимается она квазисистемными фунгицидами массового действия. Знать не знаю, зачем это нужно в тех мирах, но здесь у этих самых фунгицидов оказался крайне интересный эффект – они неплохо так действуют на наших заражённых. Всего несколько минут воздействия, и у медяков грибница, прижившаяся в споровом мешке и пустившая корни в мозг, начинает агонизировать. Понимаешь, о чём говорю?

Шпилька кивнула, и Танк продолжил:

– На развитых действует чуть похуже, но всё равно. Даже элитникам эта штука не по нраву. Вот за этой хренью мы в Москву и ходим. Риск огромный, но того стоит. Бывает, конечно, что после перезагрузки то лаборатории этой нет, то разработка на начальной стадии застопорилась, но в большинстве случаев нам везёт.

– В этот раз тоже нашли? – на всякий случай уточнила Шпилька.

– Нашли. Как обычно, часть наших пошла собирать всех заражённых в одно место, а остальные лабораторией занялись. Выгребли всё, что надо, собрались уходить, а тут – муры. Стрельба-пальба, мы на них заражённых натравили, а сами дёру. На обратном пути на тебя наткнулись. Жнец отставших до утра ждать собирался, вот мы и решили тебя забрать – бросать как-то не по-человечески было.

Шпилька слушала и удивлялась собственному спокойствию.

Анне, обыкновенной, ничем не примечательной, привыкшей к комфорту, стабильности и безопасности, логичнее было бы впасть в панику от происходящего вокруг. Запереться в квартире, отрицать происходящее и просто ждать, пока проблема решится сама собой.

Но Шпилька была другой. Она без сомнений отправилась в неизвестность в компании двух более чем подозрительных с виду мужиков, увешанных оружием. Бросила всё: обжитую квартиру, вещи, прежнюю жизнь – ещё толком не понимая, что эта жизнь закончилась, и началась другая.

А самое удивительное – Шпильке, в отличие от Анны, происходящее даже немного нравилось. Её не пугали ни заражённые, ни муры, которых она пока не видела, ни попутчики. Её не пугал Улей и странные законы, царившие в нём. Она тут всего два неполных дня, а уже сумела победить топтуна – тварь более чем опасную. Не в одиночку, конечно, без Танка и Жива она вообще вряд ли смогла бы что-то сделать, но сил и, главное, смелости, нанести последний удар, хватило.

Наверное, поэтому тут и выбирают себе новое имя – те, кто смог выжить и приспособиться, уже едва ли похожи на себя прежних. Они сбросили мишуру цивилизации и рамки законов, сняли маски гуманных добряков и увлечённых карьеристов. И стали собой – дикарями, свободными от морали и запретов.

– А Жнецу, по ходу, муры западню подготовили, – продолжал Танк, не заметив задумчивости Шпильки. – Всех порешили, грузовики с добычей угнали. А по пути решили проверить, как средство работает. Так что, Шпилька, мы с Живом тебе, получается, дважды должны. За один раз, считай, сразу расквитались, а топтун пока на нас. Вот правда, не ждал, что ты в бой кинешься, думал – помчишься полями, только пятки засверкают.

– Так а что с фунгицидом? – пропустив похвалу мимо ушей, как нечто несущественное, напомнила Шпилька.

– А ничего. Состав называется Ф-217, мы между собой эфкой так и зовём. Там иногда ещё цифры в конце бывают, но их никто даже не запоминает. Порошок для распыления. Если прямо на заражённых распылить, неразвитые за несколько минут передохнут. Кто покруче –

помучаться успеют. Элита выживет, но ослабнет прилично. Мы этот порошок в обороне базы применяли – ни один заражённый не сунулся. А на охотах вообще милое дело.

– А мурсы, получается, вашу добычу спёрли? – констатировала Шпилька.

– Правильно мыслишь. Спёрли. И по пути решили сразу проверить в действии. Здесь.

– То есть, таким образом, мы сможем выследить муров?

Кажется, она сболтнула лишнего – Танк отвлёкся от дороги, бросил на Шпильку хмурый взгляд.

– Втроем и без оружия? Нет, конечно. Мы на максимальной скорости двигаем к базе и докладываем о том, что Жнец и вся группа погибли. А там пусть приближённые Жнеца решают, что дальше делать.

– Кстати, оружием разжиться не помешало бы, – подал голос непривычно молчаливый Жив. – У нас скоро развилка, если уйдём направо, там кластер, который должен сейчас перегрузиться. На нём прямо на окраине есть магазин охотничий. Может, заскочим по быстрому?

– Дело, – согласился Танк. – Пустыми в Пекле быть не стоит. Тем более, не всю же дорогу мурсы эфку сыпать будут, рано или поздно сообразят, что не стоит ею разбрасываться.

– А там, где перестанут сыпать, соберутся заражённые, – догадалась Шпилька. – И придётся пробиваться.

– Хорошо развитые заражённые, – поправил её Танк. – Едем к магазину!

Развилку пролетели на скорости, не обращая внимания на ухабистую дорогу.

– Вон там, – показал Жив, и Танк, сбросив скорость, аккуратно припарковался на небольшом пятчке перед входом в двухэтажный магазин, чей ассортимент посвящён был, судя по рекламным плакатам, только и исключительно охоте.

– В машине сиди, – бросил Танк Живу и, взяв наизготовку нож, направился к магазину. – А ты со мной. Учиться будешь.

В полутёмном торговом зале было тихо. Между витрин бесцельно слонялся медляк. При виде людей и собаки он радостно заурчал и протянул к ним руки. Танк успокоил его одним ударом и даже не стал проверять спортивный мешок, на ходу пояснив:

– Пустыш. Слишком свежий. Буквально только что заражённым стал.

В глубине зала обнаружилась витрина с оружием. Шпилька, а тогда ещё Анна, однажды была в тире с бывшим. Ей тогда выдали карабин, названия которого она не запомнила, и показали, что с ним делать. После занятия инструктор её даже похвалил, но на этом знакомство Шпильки с огнестрельным оружием закончилось.

Теперь пришла пора узнавать его заново.

– На, держи, – отвлёк её от воспоминаний Танк. – Сайга, под нарезной семь-шестьдесят два на тридцать девять. Тот же калаш, только без возможности стрелять очередями. Видела такой?

Не просто видела, но, кажется, даже держала – как раз в том тире.

Шпилька тихо охнула от неожиданной тяжести. И в который уже раз удивила саму себя. Подняла карабин, обняла плечом приклад, одновременно выдвинув вперёд левую ногу – как учили! – совместила прорезь с мушкой.

– Значит, видела. Магазин заряжать умеешь?

Шпилька кивнула.

– Заряжай, – Танк кинул на витрину три пустых магазина и несколько коробок патронов. – Что не влезет – суй в карманы. И вот возьми. Стреляет резиновыми, но лучше с таким, чем без ничего, против медляков сойдёт.

Спустя десять минут Шпилька была вооружена до зубов. На плече висела Сайга – тридцать патронов в магазине, ещё один загнан в ствол. На поясе – кобура с травматом и четыре подсумка с запасными магазинами.

– Пошли, нож тебе подберём, – навалив на витрину еще несколько стволов и кучу коробок с боеприпасами к ним.

Ножи были на втором этаже, и тут Шпилька совсем потерялась от изобилия. Танк же, только оглядевшись, уверенно направился к стене с развешенными на ней мачете.

– Вот этот пойдёт.

Теперь у Шпильки, помимо огнестрелов, был ещё и нож. Хороший нож, чего уж греха таить. В руке лежит удобно, да и длина такая, что не страшно с ним против заражённых выходить.

– У каждого заражённого есть споровый мешок, и это – их уязвимое место. Даже у элиты, не говоря уж об остальных. Как раз в такой мешок ты топтуну и зарядила. А тех, кто человеческий облик ещё не утратил, можно просто зарубить или застрелить. Лучше руби – на выстрел другие сбегутся. Но если встретишь матёрых – стреляй, не думая. И хочу, чтоб ты ещё кое-что знала.

Тон, которым это было сказано, Шпильке не понравился.

– Если на той развилке, где мы завернули к магазину, уйти влево, а не вправо, будет кластер с каким-то европейским городом. Пройдёшь его насквозь – попадёшь на небольшой стаб с обрубленным мостом через реку. Как увидишь – не перепутаешь, обычно в Улье кластеры друг к другу дорогами цепляются, а там будет просто обрыв. Так вот, река неглубокая, перейдёшь вброд. Дойдёшь до песчаного карьера – там экскаваторы огромные, с пятиэтажный дом высотой. От них налево будет ещё один стаб. Это уже конец Пекла, дальше Внешка. Повернёшь строго на восток. Дороги там – дерьмо дерьмом, зато заражённых, да и рейдеров, немного. На юг, к Дону, не забирай, как бы ни хотелось – там внешники могут пастись, с ними тебе не справиться. Вообще от людей подальше держись, особенно если те группой ходят. Новичков обижать, конечно, не принято, но всегда есть те, кому закон не писан.

– Танк, может, по дороге расскажешь? – передёрнула плечами Шпилька – ей вдруг стало очень неуютно в этом магазине.

Как будто интуиция подсказывала, что пора делать ноги.

– Если нигде не заблудишься – выйдешь к базе. Там спросишь Рубаку – он правая рука Жнеца. Запомнила?

Вместо ответа с улицы донеслось урчание. Лайма, за всё время в магазине не проронившая ни звука, вздыбила шерсть и глухо рыкнула.

– Уходим! – моментально отреагировал Танк и замер, когда тишину пререзал сухой треск автоматной очереди.

– Спрячься, – скомандовал Танк. – И не выходи, пока всё не затихнет.

– Я с тобой, – попыталась возразить Шпилька.

– Нет. Это муры. Видимо, заподозрили, что мы с Живом выбрались из Москвы. Сиди тут, про тебя они вряд ли знают. Как уйдут – чеши полным ходом к Рубаке. И лучше пешком – от машин слишком много шума, и бросать часто придётся. Всё поняла?

– Танк...

– Всё поняла?!

Шпилька растерянно закивала.

– Не выходи, пока они не уберутся, – ещё раз повторил Танк. – Что бы там не происходило, что бы они не сделали со мной и Живом – сиди внутри тише мыши. Ты нам никак не поможешь, если на муров полезешь. А вот Рубака обязательно должен узнать о том, что они тоже Пекло мародёрить научились. Всё, пошёл.

Прятаться Шпилька не стала. На четвереньках подползла к окну, выглянула.

На парковке перед магазином стояли три пикапа. На двух были установлены пулемёты, в кузове третьего возвышалась клетка. В ней сидели трое и, судя по поведению, они не были заражёнными.

Вокруг пикапов ходили до зубов вооружённые люди в камуфляже. Ещё один стоял напротив входа в магазин, одной рукой придерживая всклокоченного Жива – шлема на голове парня больше не было. В другой он держал приставленный к горлу рейдера нож.

Он ничего не говорил, никого не звал. Просто стоял и ждал. Отросшие сальные волосы падали ему на плечи, небритый подбородок рассекал шрам, набегал на уголок губы, делая лицо муря похожим на гротескную маску. Прямая внешность, ничего не скажешь. Такую легко запомнить.

Окна магазина хорошо задерживали звук – Шпилька словно немое кино смотрела. Вот выел Танк, перебрался парой фраз с муром. Тот демонстративно встряхнул Жива, провёл лезвием по коже, надрезая её. Показалась кровь.

Еще несколько беззвучных реплик, и Танк принялся разоружаться. К нему тут же подскочили двое муров, скрутили руки, пару раз профилактически врезали по почкам. И повели к пикапу с клеткой.

Мур, что держал Жива, с неприятной ухмылкой что-то сказал парню, перехватил его за шиворот и тоже потащил к клетке. Спустя минуту пикапы взревели двигателями и выехали на дорогу. Вслед за ними укатил и спортивный седан – бросать машину рейдеров мур не стали.

Шпилька осталась одна.

Глава 5. Остерегайся всех... кроме собаки

Только теперь Шпилька на полную осознала реалии мира, в который попала. Всё-таки в компании Танка и Жива она чувствовала себя в относительной безопасности. Теперь рассчитывать можно только на себя. Что там Танк говорил про путь на базу – вернуться на развилку и пойти налево?

Торопиться она не стала – неожиданно свалившееся одиночество резко убавило смелости и добавило осторожности. А вместе с нею заработали, наконец, и мозги – так, как им положено работать в голове человека, который твёрдо решил выжить в этом «дивном» новом мире.

Танк не собирался проводить много времени в этом магазине. Кроме того, его здесь интересовало только оружие. Шпильке, чтоб пешком добраться до базы спасших её рейдеров, нужно было кое-что ещё. Поковырявшись в витринах торгового зала, она нашла ключ от складских помещений. В них обнаружился ещё один медляк. Первой забеспокоилась Лайма – овчарка вздыбила шерсть на загривке и заворчала, уставившись в дальний угол помещения.

Заражённого Шпилька зарубила своим новеньким мачете, не испытав при этом никаких угрызений совести – только немного удивилась собственной кровожадности. И пошла копать в расставленных на стеллажах коробках. Как и ожидалось, помимо оружия в них оказалось ещё много чего интересного. Например, Шпилька разжила новеньким рюкзаком взамен оставшегося в машине, и спальным мешком. А в довесок – камуфляжными штанами, курткой с кучей карманов и высокими ботинками на шнуровке.

Дело оставалось за малым – найти еду и воду. А ещё – какой-нибудь алкоголь для приготовления живчика.

Продуктовый магазин самого что ни на есть затрапезного вида был на противоположной стороне дороги. Вот только проблема – безлюдная ещё полчаса назад окраина кластера ожила. У входа в охотничий магазин ошивались сразу три медляка. У продуктового бродили двое. На вид – неразвитые заражённые без споровых мешков. Значит, тупые и особой опасности не представляют, но кто знает, не прячется ли за каким-нибудь углом тварь посерьёзнее.

Но выбора, выходить или остаться тут, у Шпильки не было. Конечно, выходить. И валить как можно быстрее на какой-нибудь спокойный кластер.

Но еды набрать всё равно надо.

– Лайма, – позвала Шпилька, и овчарка послушно уселась у ног. – Погоняешь пустышей, чтоб они на меня всей кучей не навалились?

И потрепала собаку за ушами.

Овчарка посмотрела на Шпильку подозрительно разумным взглядом, словно могла понять смысл сказанных слов.

– Тогда вперёд, – с отчаянной лихостью бросила Шпилька, вынимая из ножен мачете. – Попробуем обойтись без лишнего шума.

Парочка, ошивавшаяся возле охотничьего магазина, на любезно открытую Шпилькой дверь отреагировала, как и положено, довольным урчанием.

«Какой же мерзкий звук, – подумала Шпилька. – Совершенно неестественный для человеческого горла».

Лезвие с односторонней заточкой свистнуло и с чавканьем проткнуло шею первого пустыша. Второй, не обратив внимания на безвременную кончину собрата, протянул руки – и тут же их лишился, оставшись с кровоточащими обрубками. Проверять, чувствует ли заражённый боль, Шпилька не стала, рубанула снова.

Овчарка, тем временем, с упоением носилась по парковке. Третий мертвяк безуспешно пытался её догнать, иногда совершая короткие рывки на два-три метра, но собака всякий раз успевала увернуться.

Шпилька, почему-то уверенная, что этого заражённого Лайма к ней не подпустит, направилась к продуктовому. Двое зомбаков, дежуривших там, оказались уже не медляками, а вполне себе бегунами. Впрочем, ума это им не прибавило, Шпилька в последний момент отшагнула в сторону от несущегося на неё заражённого и на развороте пнула его ботинком чуть ниже спины, добавив ускорения и отметив про себя, что сдерживать позывы к опорожнению кишечника заражённые, кажется, не считают нужным. Второго уже привычно рубанула мачете. Развернувшись к первому и только успела увидеть, как тот валится на спину под весом напрыгнувшей на него черно-рыжей тени.

– Да ты ещё полезней, чем я думала, – похвалила собаку Шпилька. – Ну теперь пойдём, может, и для тебя что-нибудь вкусное найдётся.

Из продуктового Шпилька вышла с рюкзаком, под завязку набитым консервами и собачьим кормом. Боковые карманы рюкзака оттягивали бутылки с водой и коньяком – брать водку неизвестного розлива Шпилька поостереглась. А ещё – кола, столь любимая Шпилькой в прошлом. Не самый разумный выбор, но устоять она не смогла – когда ещё доведётся почувствовать этот неповторимый химический вкус.

Напоследок Шпилька снова заглянула в магазин для охотников – там, на витрине, остался дробовик, выбранный Танком для себя, и несколько коробок патронов. Представления, как с этим обращаться, у Шпильки не было – если не считать этими представлениями весьма условные «знания», почерпнутые из боевиков. Но интуиция подсказывала, а вернее просто трубила – возьми.

А интуиции, как поняла Шпилька, в Улье стоит доверять.

Развилку они миновали ближе к вечеру. Примерно через километр от неё дорога изменилась. По краям её появился примыкающий прямо к обочинам лес, почему-то огороженный синим сетчатым забором, противоположные направления разделил газон с вкопанными в него жестяными отбойниками. Чуть дальше по одной из сторон показались дома.

Архитектура показалась Шпильке непривычной. Сплошь эркеры, фронтоны, декоративные балки. Заборы тоже кирпичные и подозрительно низкие, в родной средней полосе таких уже и не осталось почти – большинство тех, кто мог позволить себе такой дом, старались огородить его так, чтоб даже кончик крыши из-за забора видно не было. А тут всё на виду.

Подозрения подтвердились, когда возле одного из домов обнаружилась табличка с надписью «Forsale. Grimshaw» и телефонным номером с кодом ноль-двадцать. Чуть дальше по курсу виднелась автобусная остановка. Шпилька подошла к ней и с первой же таблички определила, где оказалась.

«LondonBuses».

Так вот ты какой, европейский город, обещанный Танком.

Лайма тихо заворчала, повернув лобастую морду к одному из домов.

– Знаю, знаю, – откликнулась Шпилька, всматриваясь в тёмные, закрытые занавесками окна дома. – Тут везде заражённые. Попрытались в домах от эфки. Будь начеку, Лайма.

Овчарка, не спуская глаз с насторожившего её дома, мотнула хвостом.

Чуть дальше, на противоположной стороне, виднелся идущий параллельно дороге железнодорожный мост и отделанный плиткой переход под ним – к нему Шпилька предпочла не приближаться.

Пустынная дорога тянулась, пока не нырнула в короткий тоннель. Тут Шпилька, наконец, поняла, почему не было брошенных машин. Все они остались в тоннеле, перегороженном искорёженным грузовиком. Причём, судя по повреждениям, это была не авария – кабину словно консервным ножом вскрыли, раздвинув половинки в разные стороны, кузов смят так, будто на него бетонная балка обрушилась.

Шпилька, взяв наизготовку мачете, заглянула в кабину. Сиденья были залиты кровью, рядом с педалями валялся обломок чего-то, похожего на берцовую кость, покрытую ошмётками мяса.

Шпилька видела пока только одного заражённого, способного рвать железо – топтуна. И повторно встречаться с подобным экземпляром больной фантазии Улья желанием не горела – слишком свежи были воспоминания о том, как легко развитый заражённый на её глазах смял пальцами лом. А значит – из лондонского кластера надо выбираться как можно скорее. Но – не в ущерб безопасности.

Пригнувшись, Шпилька принялась лавировать между машинами, прислушиваясь к шорохам и краем глаза поглядывая на Лайму. Собака пока что вела себя спокойно, и это внушало некоторую надежду, но...

Но Шпильке и так слишком долго везло.

Неприятности начались на выходе из тоннеля. Домов здесь уже не было, вместо них к дороге вновь подступил лес. Вдалеке виднелось несколько современных многоэтажек, в которых можно было бы найти укрытие.

До них было километра три – не так уж много, если идти быстрым шагом. Только скрытное передвижение – это вам не забег на скорость. Приходится подолгу отсиживаться в укрытиях, внимательно обозревая окрестности на предмет нежелательных встреч. Хорошо ещё, Лайма своим собачьим нюхом чувствует заражённых издалека и предупреждает свою новую хозяйку.

Да, с собакой Шпильке повезло, как никому. Овчарка вела себя тише воды, ниже травы, с полуслова понимала, что от неё хотят, и вообще производила впечатление эдакого Эйнштейна от мира животных. А ещё – способна была самостоятельно загрызть парочку заражённых, пусть и не особо развитых.

Вот и сейчас Лайма первой заметила угрозу, предупредив хозяйку тихим ворчанием и пристальным взглядом в направлении, с которого приближался заражённый.

Шпилька затравленно огляделась. До частных домов далеко, да и вряд ли они пустуют. До многоэтажных – ещё дальше. Прятаться в одной из машин? Против медляков нет смысла, их проще убить, а против кого-нибудь посерьёзнее это не поможет. Особенно против твари, разворотившей грузовик.

Немного подумав, Шпилька взялась за карабин и присела за бампером микроавтобуса.

– Если их будет много, ты знаешь, что делать, – шепнула она Лайме.

Довольно долгое время ничего не происходило, но овчарка так и оставалась настороженной. Не расслаблялась и Шпилька. Солнце клонилось к горизонту, расплываясь бесформенными чёрными кляксами, тени становились длиннее и гуще.

Может, и вправду стоило вернуться к частным домам?

Лайма, зарывав громче, вдруг сорвалась с места и на всех парах помчалась к одной ей видимой цели, почти сразу затерявшись в тенях.

– Стой! – только и успела сказать Шпилька и выругалась сквозь зубы так, что позавидовал бы профессиональный сапожник.

– Сама и стой, – посоветовали ей из-за спины. – Ствол на землю клади, быстро. Иначе в гроб уродиной ляжешь.

В подтверждение серьёзности угрозы щёлкнул затвор.

Шпилька медленно опустилась на корточки, положила Сайгу.

– Остальное туда же. И рюкзак. Руки подними. Повернись.

Шпилька подчинилась. Перед ней стоял самого что ни на есть криминального вида мужик – лет сорока на вид, щербатый, с неухоженной щетиной, в привычном большинстве обитателей Улья камуфляже. Прищуренные глаза смотрели цепко, руки твёрдо держали наставленный Шпильке в лицо обрез.

Вот же паразит, откуда только взялся? На рейдера вроде Танка или Жива не похож. Может, мур? Или представитель ещё какой-нибудь не особо дружной с общечеловеческими ценностями общины? Да кто бы ни был, Шпильке он очень и очень не нравился – трудно испытывать приязнь к тому, кто держит тебя на прицеле. С Танком знакомство состоялось тоже не без помощи оружия, но тот, убедившись, что Анна не заражённая, ствол опустил.

А этот так и держал, с ног до головы облизывая Шпильку похотливым, ничего хорошего не предвещающим взглядом. И это надо было срочно исправить.

– Псина твоя куда побежала? – сплюнул набок мужик.

– Она не моя, – не моргнув, соврала Шпилька. – Прибилась по дороге.

– Иммунная, что ли? Или не переродилась ещё?

Шпилька неопределённо пожала плечами, проверяя, отреагирует ли мужик на это движение. Обрез даже не дёрнулся.

– Иммунная от чего? Здесь что, болезнь какая-то? Эпидемия?

А вот эти слова мужика немного расслабили.

– Эпидемия? – гнусно усмехнулся он. – Она самая.

Шпилька решила изобразить крайнюю степень умственной отсталости.

– А что за эпидемия? – вытаращила глаза она и, понизив голос, испуганно прошептала. – Я видела людей, очень похожих на зомби. Все в крови и урчат как-то странно. Я спросила, что с ними, а они вытянули руки и пошли на меня.

– Что, прям как зомби пошли? – издевательски ухмыльнулся мужик. – И что же ты сделала?

– Убежала, – пискнула Шпилька. – Мне показалось, что они хотят напасть.

– Убежала, значит? Это ты, цыпа, правильно сделала. А стволы где взяла?

– В машине брошенной нашла. Там, – ткнула пальцем Шпилька, решив промолчать про магазин. И тут же поняла, что ляпнула не то.

– Чужую машину обнесла, получается? Непохожа ты на свежую, ой, не похожа. Одежду, скажешь, там же нашла?

Шпилька помотала головой. Она уже сообразила, что прикинуться ничего не подозревающей свежей у неё не вышло, но продолжала ломать комедию.

А что ещё ей оставалось делать?

– Одежда моя.

– Твоя, значит... И как давно ты попала в Стикс?

Вот тут Шпилька растерялась совершенно искренне. Что ещё за Стикс?

– Не прикидывайся, что не понимаешь, – рявкнул мужик. – Никакая ты не свежая, слишком продуманно экипирована. Кто помогал? Где он?

– Я не знаю, – уже всерьёз перепугалась Шпилька. – Я ничего не понимаю, я...

Неподалёку послышалось знакомое до боли урчание.

Мужик, недолго думая, втолкнул Шпильку в микроавтобус.

– Заткнись, дура. И сиди тихо. Заорёшь – пристрелю, – рявкнул он и уселся под выбитыми окнами, выставив наружу обрез.

Шпилька забилась под одно из уцелевших сидений, оценила расстояние до двери, возле которой осталось всё её снаряжение. Оставаться безоружной, зная, что где-то поблизости бродит заражённый, было крайне неудобно. И Лайма куда-то запропастилась.

Оценив свои шансы, Шпилька предпочла затаиться. Если на них нападёт заражённый, у неё, быть может, появится возможность добраться до оружия. Пока что лучше продолжать делать вид, что она совсем свежая и не понимает, где находится.

– Ты, – вдруг обернулся к ней мужик. – Поднимайся! Иди наружу и встань так, чтоб я мог тебя видеть.

Шпилька похолодела. Приманка! Он хочет сделать из неё приманку для заражённого!

Шпилька замотала головой.

– Мне что, повторить? – зашипел мужик и направил обрез на Шпильку. – Выходи!

Пришлось подчиниться. На ватных ногах она выбралась из микроавтобуса, с сожалением посмотрела на своё снаряжение.

– Даже не думай! – предупредил её мужик. – Дёрнешься – пристре...

Остаток фразы потонул во внезапно раздавшемся рычании.

Шпилька тут же присела, прижавшись спиной к борту микроавтобуса так, чтобы её невозможно было увидеть изнутри. Вытянула ногу, зацепила носком ботинка ремень от Сайги, подтянула к себе. Из микроавтобуса раздался выстрел, грохот – словно что-то тяжёлое упало на железный пол, – и собачий скулёж.

Правое плечо обожгло болью, да такой, что помутилось сознание. Шпилька охнула, схватилась за рану... но раны не обнаружилось. Равно как и прорех в камуфляжной куртке.

Размышлять, что произошло, было некогда. Шпилька приподнялась, намереваясь запрыгнуть в микроавтобус и дать очередь по мужику с обрезом... и замерла, заметив метрах в пятидесяти перед собой чудовище, от одного только вида прежнюю её, Анну, хватил бы сердечный приступ.

Трёхметрового роста, с изуродованной до неузнаваемости лысой головой. Безобразные, гротескно раздутые мышцы рук и ног рельефно обтянуты серой кожей, искривлённые когти, которыми можно без проблем рвать железо. Все уязвимые места, как и уже знакомого Шпильке топтуна, прикрыты пластинами костяной брони.

Вот только это... нечто, уже в отличие от того же топтуна, умело двигаться абсолютно бесшумно. И, судя по всему, опасность представляло куда большую.

– Стреляй! Это рубер! – донёсся крик мужика, совсем недавно державшего Шпильку на прицеле.

Шпилька вскинула Сайгу, прицелилась. Карабин выплюнул первую пулю. Лязгнул затвор, выбрасывая облачко пороховых газов вместе с использованной гильзой. И ещё. И ещё.

Рубер словно и не заметил попаданий. Поводил головой из стороны в сторону, к чему-то принюхиваясь, раззявил пасть и... рванул к микроавтобусу с такой скоростью, что его силуэт размылся.

Палец Шпильки раз за разом давил на спусковой крючок. Страху не было, лишь сожаление о том, что карабин конструктивно не приспособлен к стрельбе очередями. Едва ли это могло её спасти, но надежда – дама упрямая. Она всегда ищет выход для тех, кто не готов сдаваться.

Короткий щелчок возвестил о том, что патроны закончились. Шпилька потянулась к подсумкам, вытащила запасной. Не успеть, никак не успеть, тварь уже в двадцати метрах.

Из недр микроавтобуса жажнул обрез. Это попадание рубер заметил, замедлился, с недоумением покосился на крохотный скол на одной из прикрывающих грудь пластин. Поднял когтистые руки – на этот раз Шпильке удалось разглядеть ещё и шипы.

Шпилька воспользовалась моментом, щёлкнула магазин, передёрнула затвор, прицелилась. И всадила три пули подряд в бок рубера, ближе к подмышке – ей показалось, что там нет костяной брони.

Тварь взревела. Снова выстрелил обрез – то ли мужик, так и не назвавший своего имени, сумел одолеть Лайму, то ли овчарка сама оставила его в покое, что маловероятно. Шпилька вновь отстреляла весь магазин, на этот раз – не прицельно и, следовательно, безрезультатно. И, услышав осечку, приготовилась умереть.

Между ней и рубером оставалось не больше десяти метров.

Глава 6. Покой нам только снится

Говорят, перед смертью в памяти человека проносится вся его жизнь с самого рождения.

Шпильку никакие воспоминания не посетили. Она, словно в замедленном кино, смотрела на приближающегося рубера и с невозможным, нечеловеческим спокойствием осознала, что это – конец. Рядом лежал дробовик Танка, но времени, чтоб дотянуться до него, не осталось.

Обрез из глубины микроавтобуса огрызнулся ещё пару раз и тоже затих.

Страх по-прежнему не было, но, когда рубер оказался прямо перед Шпилькой и замахнулся своими монструозными лапами, она всё-таки предпочла закрыть глаза – не хотелось смотреть на это изуродованное тело, бывшее когда-то человеческим.

Кошмарный по силе удар сотряс микроавтобус. Застонало разрываемое железо, зазвенели остатки стёкол. Шпильку, словно пушинку, отбросило в сторону, приложило об асфальт так, что выбило весь воздух из лёгких.

За спиной скрипел и стонал раздираемый рубером микроавтобус. Мятая, надорванная с одного края синяя табличка с выстроившимися кругом звёздами и буквами английского алфавита пролетела мимо, вскользь задела руку, но не смогла прорвать плотную камуфляжную ткань куртки.

Шпилька сипло втянула в себя воздух, с трудом перевернулась на спину. В глазах всё плыло, конечности стали слабыми, будто вместо суставов и мышц в них напихали вату.

Рубер крушил не только микроавтобус. Он с упоением разносил все близлежащие машины в попытке угнаться за юркой овчаркой. Немка, непрерывно облаивая рубера, совершала головокружительные манёвры, в последний момент уворачивалась от ударов когтистых лап, чудом оставаясь невредимой, и уводила тварь всё дальше и дальше от хозяйки.

Но собачьи силы были не бесконечны. Лайма заметно прихрамывала на правую переднюю лапу и оставляла на асфальте кровавые следы. Движения её стали неловкими, и в каждом явственно сквозила накапливающаяся усталость.

Шпилька встала на четвереньки и поползла к останкам микроавтобуса. Доползла – и упала рядом с грудой собственного оружия. Протянула руку, схватилась за дробовик. Снова поднялась, по наитию потянула на себя цевьё, доводя патрон.

А что, если Танк зарядил туда дробь? Руберу она что лёгкое поглаживание будет. А, впрочем, без разницы, так и так умирать.

Вот только Лайму Шпилька отдавать твари на растерзание не собиралась категорически.

Голова кружилась, асфальт раскачивался так, словно был палубой корабля, попавшего в шторм. Шпилька привалилась боком к изуродованной бочине микроавтобуса, не обращая внимания на больно впившиеся в рёбра острые углы рваного железа, вжалась плечом в приклад.

Толчок в плечо был такой, что Шпилька опять упала, пребольно ударившись головой. Заскребла пальцами по асфальту, вновь вставая – через «не могу», через «нет сил». Вскинула дробовик, передёрнула цевьём, выстрелила.

На этот раз рубера проняло. Тварь, недовольно урча, обернулась, отвлекаясь от собаки, оценивающе посмотрела на досадную помеху в виде Шпильки. И решила, для начала закончит свою охоту на собаку.

– Сюда иди, тварь! – зло выкрикнула Шпилька.

Дробовик снова плюнул огнём и пороховыми газами. Рубер взревел – всё-таки она его достала! – и, наконец, отвлёкся от собаки.

Шпилька стреляла до тех пор, пока патроны не закончились. И даже умудрилась попасть пару раз в уязвимые места. Рубер заметно ослабел и замедлился, но это не сделало его менее

опасным. Он поравнялся с микроавтобусом, неотрывно глядя на Шпильку, плотоядно раззявил пасть с несколькими рядами зубов.

– Ну ты и образина! – не сдержалась Шпилька.

Тварь, судя по реакции, обладала некоторыми зачатками интеллекта. Но разобраться с обидчицей не успела – на правом её плече повисла овчарка, с рычанием вцепилась в костяную пластину.

– Да беги, тебя же спасаю! – едва не плача, завопила Шпилька в очередной попытке подняться.

Наткнулась на мачете, сомкнула пальцы на рукояти, выдёргивая клинок из ножен. Бесплезная зубочистка, но вдруг повезёт, и тварь отвернётся. Тогда можно было бы попытаться ударить в споровый мешок, найти щёлочку между пластинами костяной брони...

Тварь замотала плечами, замолотила руками, пытаясь скинуть с себя собаку. И ей это удалось – овчарка с визгом отлетела внутрь искорёженного микроавтобуса и затихла. Тварь повернулась вслед за ней, вцепилась в рваные борта, раздвигая их в стороны, шагнула внутрь. Недоумённо остановилась, посмотрела себе под ноги. И, к ужасу Шпильки, присела и опустила голову.

Раздался крик, а вслед за ним – мерзкое чавканье и хруст перемалываемых зубами костей.

В щёку Шпильки ткнулся мокрый собачий нос.

– Ты? – удивилась она, повернув голову и увидев Лайму. – А кого он там?...

И сразу же вспомнила об угрожавшем ей мужике.

– Сидеть, – строго шепнула Шпилька собаке. – Дальше я сама.

И, крепко зажав мачете в одной руке, другой ухватила за рваный металл микроавтобуса.

Пальцы пронзила боль. Шпилька заставила себя терпеть. На подгибающихся ногах залезла в микроавтобус вслед за рубером.

Споровый мешок твари был закрыт точно так же, как и у топтуна, которого она убила утром. Пули оставили на нём множество глубоких царапин, но так и не смогли ни пробить, ни отогнуть костяную броню.

Зато снизу Шпилька разглядела крохотную, но так нужную ей щель. Замахнулась, ударила. Промахнулась – мачете скользнул по пластинам, и выпал из ослабевших пальцев. Рубер, не глядя, отмахнулся.

Шпилька вылетела из микроавтобуса, врезавшись спиной в собственный рюкзак. Позвоночник словно пронзило ломом, из глаз посыпались искры. Мир потемнел. Что-то твёрдое и угловатое ткнулось в бедро.

Пистолет!

Схватить, сдвинуть рычажок предохранителя, доползти. Все эти действия Шпилька проделала неосознанно, на рефлексах – как выяснилось, утех, кто хочет выжить в Улье, они появляются очень и очень быстро.

Влезть в микроавтобус, к пирующему руберу, привстать, дрожащей рукой прижать дуло пистолета к щели под пластинами/ Нажать на спуск.

Грянул выстрел.

На этот раз Шпильке удалось. Резиновый шарик травмата намного мягче каблука. Но дульная энергия, с которой он вылетает, тоже несравнима с силой, которую может развить человеческая рука. А тем более – женская.

Фантазия мгновенно нарисовала Шпильке невероятно приятную картину – вот шарик прорывает сухую серую кожу, вламывается в переплетение нитей, которыми заполнен споровый мешок, рвёт их в клочья, и уходит дальше, к позвоночнику твари. Видение оказалось настолько красочным и ярким, что Шпилька не удержалась, представила, представила ещё и перебитый позвоночник, разорванное горло, хлещущую во все стороны кровь.

Рубер захрипел и обмяк. Медленно осел на пол микроавтобуса, словно сопротивляясь неминуемому, положил голову на рваный борт. И затих.

Шпилька не поверила своим глазам. Неужели получилось?

Эйфория была недолгой, вдалеке вновь раздалось урчание. Шпилька – откуда только силы взялись? – подорвалась с места. На ощупь отыскала мачете, мимолётно порадовавшись, что клинок не сломался из-за неудачного удара. С сожалением посмотрела на труп рубера – нет времени вскрыть споровый мешок, а ведь добыча обещает быть богатой, эта тварь явно поразвитей топтуна.

Но жизнь всё равно дороже.

Шпилька выбралась из микроавтобуса, подхватила рюкзак, карабин и дробовик, пошатнулась под их весом, но бросать не решилась. Без оружия в Улье ничего не останется делать, кроме как лечь и ждать смерти. Без еды и живчика – тем более. Придётся тащить.

– Лайма, – шёпотом позвала Шпилька. – Пойдём. Попробуем спрятаться и зализать раны.

Она рассчитывала вернуться к частным домам, вломиться в первый же, порубить заражённых, если они там будут – как-как, как-нибудь! – и пережить ночь хотя бы в относительной безопасности. Это в теории. О практике Шпилька старалась не думать.

Как ни странно, всё получилось. И даже с домом повезло – ближайший оказался мало того, что открыт, так ещё и пуст. То ли хозяева покинули его в самом начале перезагрузки лондонского кластера, пока ещё были людьми, то ли, уже превратившись в заражённых, оказались достаточно сообразительны, чтоб надавить на дверную ручку.

«Скорее, второе», – подумала Шпилька, вспоминая свой подъезд и распахнутые настежь двери квартир.

Тогда, ничего ещё не зная про Улей, она подумала на эвакуацию, которую она спяну проспала. А теперь понимала – ей невероятно повезло не только оказаться иммунной, но и проспать тот кошмар, что начался в Москве после того, как туман рассеялся.

Дверь Шпилька, разумеется, заперла. Проверила окна – все ли закрыты. И забаррикадировалась в небольшой комнате на втором этаже, с чистой на вид кроватью и окном, выходящим на улицу, по которой шла днём.

На ощупь распотрошила рюкзак, выставив на пол бутылку коньяка. Колу открыла сразу и присосалась так, что за секунды выпила сразу полбутылки. Поставила рядом с коньяком. Потянулась к карману, в котором должна была быть вода – и обнаружила только разрезанную на две половинки ткань.

– Твою!

От обиды Шпилька едва не расплакалась.

– Ну вот как мы теперь, а? – спросила она у молчаливо разлёгшейся на кровати Лаймы.

Споровое голодание не беспокоило Шпильку весь день. Но затягивать с приёмом местной «живой воды» не стоило – так, по крайней мере, объяснял ей Жив. Целебное пойло, состоящее из спиртного, воды и спорана, употреблять следовало понемногу, но регулярно. А уж если ты ранен или истощён...

Шпилька достала из кармана куртки споран и горошину, покатила в ладонях. С сомнением покосилась на початую бутылку колы. Была не была, деваться некуда. Растворять всё равно в коньяке, для того и прихватила бутылку. А разводить... Колой и разведём, раз ничего больше нет под рукой.

Процесс приготовления прошёл, как по маслу. Спорам, опущенный в коньяк, растворился довольно быстро. Шпилька обмотала горлышко бутылки запасёнными тряпками, чтоб отцедить ядовитый осадок, и перелила получившийся раствор в наполовину опустошённую бутылку колы. Завернув крышку, осторожно взболтнула.

Открыла, принялась. Вроде даже и терпимо пахнет.

Овчарка жалобно заскулила.

– Тебе тоже это пошло нужно? – удивилась Шпилька и сама себе ответила. – Наверное, да. Животные ведь тоже перерождаются, а ты всё ещё нормальная. Значит, тоже иммунная. Ладно, давай на мне сначала опробуем, а потом тебе тоже налью.

Задержав дыхание, Шпилька приложила горлышко бутылки к губам и сделала крохотный глоток.

И впрямь ничего. Нет, не коктейль вроде пина-колады, понятное дело, но по сравнению с тем, чем поили её Танк и Жив – точно амброзия. Хоть и пованивает грязными носками.

Жажда отступила сразу. И, кажется, чуть-чуть добавилось сил.

– Сейчас, сейчас...

Сделав ещё два глотка, Шпилька принялась искать, во что можно налить живчик для Лаймы. В качестве импровизированной миски в итоге применила осколок от разбитой вазы, и, пока овчарка с упоением лакала угощение, вытащила банку консервов и пакет с собачьим кормом.

Желудок призывно заурчал.

Шпилька не заметила, как слопала всю банку, едва не облизав остатки со стенок. Взялась за вторую – аппетит был просто зверский. Представительница того самого «зверского» мира свой корм тоже уминала с удвоенным рвением. Да ещё искоса поглядывала жадным глазом на хозяйку.

– Нет уж, – возмутилась Шпилька. – У тебя вон, целый пакет корма, его и ешь.

В той, прежней жизни, Анна особым аппетитом не отличалась. Временами садилась на диету, пробовала разные методы здорового питания – словом, занималась всей той ерундой, которая свойственна жителям мегаполисов. Да ещё и двигалась непростительно мало – дом, работа, дом, работа. Дойти до автобусной остановки, доехать до метро, пройти сто метров. А вечером – обратно.

Шпильке, в отличие от Анны, двигаться приходилось много – по-другому в Улье не выжить. Да и нервотрёпка тут оказалась знатная. К тому же, предыдущий приём пищи был вчера, ещё дома.

Лайма, умяв двух с половиной килограммовый пакет корма, без зазрения совести потянулась к банкам из-под консервов и облизала их вместо хозяйки.

– Эй! – возмутилась Шпилька. – Я сама хотела так сделать!

Покатала в ладони горошину – её тоже стоило бы употребить, но ни уксуса, ни, тем более, соды под рукой не было. Ладно, может, утром удастся найти нужные ингредиенты на кухне.

С этой мыслью Шпилька завалилась спать. Свернулась клубочком внутри спальника, положив рядом с собой пистолет. Закрыла глаза, наслаждаясь мягкостью матраса... и тут же открыла.

В окно вовсю светило солнце, успевшее довольно-таки высоко подняться над горизонтом. На ветке дерева, росшего рядом с домом, чирикал воробей.

Шпилька огляделась в попытке понять, что её встревожило. Вроде бы всё спокойно: дверь заперта, придвинутый к ней комод стоит, как она его поставила, никакие зомби не бросаются на неё с урчанием. Выпростала из спальника руку, потянулась к Лайме...

Собаки на кровати не оказалось. Холодея, Шпилька вскочила... и облегчённо выдохнула, увидев овчарку стоящей передними лапами на подоконнике.

– Что там? – шёпотом спросила Шпилька.

Собака, не отрывая взгляда от того, что происходило за окном, тихо зарычала.

Шпилька выпуталась из спальника и, пригнувшись, подошла к окну. Выглянула.

Весь двор и дорога за низеньким заборчиком были заполнены заражёнными. Одни стояли, с отрешённым видом раскачиваясь с пятки на носок. Другие бесцельно бродили вокруг. Третьи только ползали.

Были и те, кому хватило ума сообразить, что вкуснятина прячется в доме – они шарили руками по стенам и даже пытались повернуть дверную ручку.

Радость от того, что Шпилька додумалась запереть дверь, была недолгой. Это препятствие защитит её только от низших заражённых. Заявись сюда тварь вроде топтуна или вчерашнего рубера – и всё будет кончено.

Только интересно, как зомбаки догадались, что Шпилька спряталась именно в этом доме? По запаху, что ли? Или... они искали не её?

Шпилька покосилась на овчарку.

– Лайма, дай лапу.

Собака выполнила команду беспрекословно.

Всю лапу покрывала засохшая кровь. Раны не было, хотя Шпилька помнила жалобный визг, раздавшийся вчера из микроавтобуса, и ярко-красные следы, которые оставляла Лайма. Конечно, перед сном Шпилька поделилась с овчаркой живчиком, но чтоб настолько быстро всё зажило. Хотя...

Прислушавшись к себе, Шпилька поняла, что дело и впрямь в пойле из спорана. Ей вчера тоже неслабо досталось, и пусть серьёзных ран нет, но ссадины и гематомы должны бы быть по всему телу. И болеть. Не говоря уж о голове, которой она не один раз приложила ко всяким разным твёрдым предметам и поверхностям.

Вопреки всему, ни болевых ощущений, ни признаков сотрясения мозга не было. Шпилька чувствовала себя абсолютно здоровой и бодрой, как будто последние пару дней отдыхала и нежилась в каком-нибудь СПА, а не дралась с зомбаками.

Ладно, как бы оно ни было, причина, по которой за ночь возле дома собралась целая толпа заражённых – ясна.

– Пора валить отсюда, – сказала Шпилька овчарке. – Пока кто посерьёзнее на запах твоей крови не прибежал.

Но немедленно срываться с места она не стала. Проверила всё оружие, добила патронов в магазины, убрала в заметно полегчавший после ужина рюкзак спальник – ещё пригодится. Глотнула живчика и напоила им собаку. И только после этого решительно отодвинула комод, которым подпёрла дверь в комнату.

Выходить прямо в толпу голодных зомби Шпилька, разумеется, не собиралась – зачем, если есть найденный ещё вчера чёрный ход? К тому же, сваливать лучше по-тихому, без пальбы и прочих шумных мероприятий, привлекающих ненужное внимание.

По заднему двору уныло бродили двое заражённых. Один выглядел вполне прилично, его выдавала только грязь на костюме да характерные подёргивающиеся движения. Второй явно провёл в Улье не так уж мало времени – из одежды на нём осталась только рваная рубашка. Его Шпилька зарубила первым. Второго можно было бы и вовсе не трогать, но ведь заурчит сейчас, гад такой.

Брезгливо вытерев мачете о костюм медляка, Шпилька огляделась. Участок с задней стороны дома был небольшим. Зато забор, его огораживающий, возвышался аж на два метра. Это было бы печально, но кто-то большой, сильный и не умеющий пользоваться калитками, уже заходил в гости, оставив после себя недоеденный труп в дальнем углу и дыру в заборе.

Шпилька едва не бегом рванула в пролом – и тут же растянулась на земле, налетев на спрятанную в траве растяжку. В голове взорвался фейерверк.

– Ты гля, Сыч, чо у нас тут за цаца! Я думал, тут честный рейдер рапана завалил, а получается, баба, что ли?

Борясь с ускользящим в темноту сознанием, Шпилька повернула голову и скосила глаза на говорящего. М-да уж, видок такой же лихой, что и у вчерашнего мужика, как бы не из одной банды оказались.

Хорошо ещё, что Лайма опять куда-то запропастилась. Умная собака, слишком умная для животного. Шпилька отчего-то была уверена, что овчарка просто затаилась и, как и всегда, появится в самый необходимый момент.

Только непонятно, что она сможет сделать против до зубов вооружённых муров, которых тут минимум двое. А скорее всего – больше.

– А может, это она Банщика и завалила? Ну, чтоб рапан на него отвлёкся? – подтвердил подозрения говоривший. – Стволами вся увешана. Эй, баба, а ну признавайся, ты кореша моего грохнула?

– Баба тупая твой кореш, – неожиданно для самой себя выдала Шпилька, подражая бандитской манере разговора. – Как баба и попался заражённому.

А что ещё ей оставалось делать в нынешней ситуации? Слабым в Улье не место. Слабые слишком быстро умирают, и не только от рук заражённых. Так что надо учиться выстаивать. В том числе против тех, кто по всем законам биологии сильнее физически и психологически.

Её отвагу оценили по достоинству.

– Ах ты су... – резкий удар по скуле, и Шпилька вырубилась, так и не услышав окончание фразы.

Глава 7. О пользе водных процедур

Пробуждение было не из приятных. После знакомства с прикладом дико болела скула, затекли связанные за спиной руки. Во рту сухо, как в Сахаре, и, кажется, на зубах будто песок скрепит. Ну, не песок, конечно, а скорее эмаль, но звук очень похож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.